U 116/665

Ч2
И 116/665

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМІРА

ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

И. А. КРЫЛОВА.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1868.

680
Мг
/3
№ 48
ою № 413
14433
Рп
4447

П 665

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМІРА

ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

И. А. КРЫЛОВА.

В. 5424.

КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1868.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1868 г.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛ-КА имени В.И.Ленина
22637-44

РѢЧЬ,

ПРЕДЪ ПАНИХИДОЮ ПО И. А. КРЫЛОВѢ, СОВЕРШЕННОЙ ВЪ ЦЕРКВИ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА 2 ФЕВРАЛЯ 1868 ГОДА, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРОФЕССОРОМЪ БОГОСЛОВІЯ Н. А. ѲАВОРОВЫМЪ.

Поминайте наставники ваша, заповѣдалъ намъ св. Апостолъ.

Ктожъ эти наставники?—*Иже глаголаша вамъ слово Божіе*, то-есть, преподававшіе вамъ то, что Богъ открылъ людямъ какъ вѣчную истину и святую волю свою.

Кругъ такихъ наставниковъ, очевидно, можетъ быть обширенъ. Въ немъ поправу должны занять мѣсто не только учители вѣры и благочестія—въ тѣснѣйшемъ значеніи этихъ словъ, но и всѣ, достойно послужившіе дѣлу просвѣщенія христіанскаго; потому что кто учитъ истинѣ и добру, тотъ во всякомъ случаѣ *глаголетъ слово Божіе*, хотя бы наставленія его и не имѣли внѣшняго характера священной проповѣди.

Въ такомъ именно убѣжденіи мы торжественно поминаемъ въ церкви людей, оказавшихъ особенныя услуги отечественному просвѣщенію нашему; въ такомъ убѣжденіи мы и теперь хотимъ помянуть одного изъ первостепенныхъ писателей нашихъ.

Есть вещи, которыя съ перваго взгляда могутъ казаться не очень важными, потому что наружность ихъ проста; но за то, чѣмъ больше въ нихъ всматриваются, тѣмъ лучше ихъ находятъ, и чѣмъ больше ими пользуются, тѣмъ дороже ихъ цѣнятъ. Къ такого рода предметамъ относятся и произведенія Писателя, память котораго мы хотимъ почтить нынѣ. Онъ—баснописецъ: это его слава, это его заслуга, это главное право его на наше уваженіе и признательность. Но какъ ни смѣло говоримъ мы все это, однакожъ не можемъ не опасаться, чтобъ у кого нибудь не родилось подозрѣніе или въ неискренности такихъ

словъ, когда они произносятся здѣсь, съ этого мѣста, съ котораго прилично говорить только о важныхъ и священныхъ истинахъ вѣры, или въ преувеличеніи достоинства предмета. Тѣмъ нужнѣе намъ объясниться нѣсколько подробнѣе.

Что составляетъ содержаніе произведеній нашего баснописца? Правила практическаго благоразумія или практической мудрости, плодъ внимательнаго наблюденія природы и жизни человѣческой въ обыкновенномъ быту человѣка. Такъ какъ мудрость эта не касается прямо высокихъ вопросовъ и сторонъ жизни, составляющихъ предметъ религіозныхъ и научныхъ изслѣдованій; то она не имѣетъ повидимому и особеннаго достоинства. Но на самомъ дѣлѣ не такъ. Жизнь человѣка есть такое цѣлое, въ которомъ все соединено тѣснѣйшимъ образомъ, и—что̀ правильно и хорошо въ ней въ одной ея области, то должно быть таково же для насъ и вообще. И наоборотъ. Нѣтъ особой истины, ни особаго добра для разныхъ сторонъ быта нашего. Нельзя быть, напримѣръ, добрымъ членомъ семьи и общества и—худымъ христіаниномъ. Законъ для человѣка, какъ христіанина, какъ семьянина и какъ гражданина, въ существѣ одинъ и тотъ же. Поэтому учить человѣка истинному благоразумію въ обыкновенномъ житейскомъ быту не значитъ-ли учить его вообще добру и раскрывать въ немъ духовно-нравственныя силы?

Такъ. Читайте священныя книги древнихъ благочестивыхъ мудрецовъ, и вы найдете тамъ множество правилъ, касающихся обыкновенной жизни нашей, и правила эти стоятъ рядомъ съ высокими уроками вѣры и благочестія. Мудрость житейская, если она дѣйствительно есть мудрость, то-есть, если она основывается на глубокомъ знаніи правильнаго порядка вещей, драгоцѣнна для человѣка, и усвоеніе правилъ ея даетъ нашему поведенію такія свойства, которыя не только не противны духу жизни христіанской, но и составляютъ подлинныя черты ея. Съ этой точки зрѣнія всякое произведеніе словесности, способное развивать въ насъ здравый практическій смыслъ и предохранять отъ вреднаго или пошлаго въ поступкахъ, должно быть высоко цѣнимо, какъ доброе пособіе къ нравственному воспитанію нашему.

Такое именно значеніе имѣютъ произведенія знаменитаго баснописца нашего. По формѣ своей они могутъ представляться какъ-будто чѣмъ-то не серьознымъ; между тѣмъ въ нихъ говоритъ подлинная мудрость, которой и свойственно говорить правду иногда съ улыбкою,

но всегда безъ лицепріятія, и представлять истины, иногда очень горькія, съ веселымъ простодушіемъ. Чему учитъ нашъ баснописецъ въ своихъ басняхъ, то самое можетъ служить и очень часто служитъ предметомъ церковной проповѣди. Это уроки, сколько занимательные, столько же важные и прекрасные. Вы не побоитесь дать басни его въ руки дитяти вашему, о нравственномъ воспитаніи котораго заботитесь больше всего, тогда какъ между множествомъ другихъ словесныхъ произведеній, иногда даже прямо назначаемыхъ къ употребленію при воспитаніи, можетъ быть часто затрудняетесь выбрать что-нибудь вполнѣ соотвѣтствующее вашей цѣли. Не есть-ли это лучшее доказательство высокаго нравственнаго достоинства тѣхъ басней?

Одной чистоты нравственной стихіи въ произведеніяхъ писателя, конечно, еще мало для того, чтобъ они имѣли важное воспитательное значеніе. Если гдѣ, то въ подобныхъ произведеніяхъ, важно не только то, что говорится, но и то, какъ говорится. Сухія, отвлеченныя правила мало-кого назидаютъ. Чтобы практическая истина сказалась намъ дѣйствительною истиною и перешла въ живое сознаніе наше, а оттуда и въ правило нашей дѣятельности, для этого она должна явиться намъ въ живомъ образѣ. А это требуетъ особаго таланта отъ Писателя. Но говоритъ здѣсь о силѣ таланта нашего баснописца и о художественности его произведеній, конечно, было-бы неумѣстно. Впрочемъ кто не знаетъ, если не по критической оцѣнкѣ, то по непосредственному чувству, неподражаемыхъ качествъ этихъ произведеній, которыя, кромѣ общихъ поэтическихъ достоинствъ, запечатлѣны еще по преимуществу дорогимъ для насъ качествомъ нашей народности, такъ что въ нихъ слышишь чисто русскую рѣчь, въ нихъ видишь чисто русскій народный взглядъ на предметы, въ нихъ ощущаешь все родное, близкое нашему уму и сердцу? Какъ идетъ къ творцу ихъ ласково-почтительное у народа нашего названіе дѣдушки! Это точно мудрый и любящій старецъ, который хорошо знаетъ, что о чемъ и какъ сказать, и которому съ одинаковымъ удовольствіемъ внимаютъ и дѣти и возрастные, не скучая его наставленіями и не примѣтно усвоя его уроки.

Не можемъ-ли мы, послѣ этого, поминать его и въ церкви, какъ одного изъ наставниковъ, которыхъ поминать заповѣдуетъ намъ само слово Божіе? Всякій, кто дѣйствуетъ въ пользу правды и добра, дѣйствуетъ для блага церкви и становится сотрудникомъ ея въ воспитаніи людей для вѣчной жизни. Если самъ Господь Спаситель нашъ говорилъ

нѣкогда ученикамъ своимъ: *кто не противъ васъ, тотъ за васъ*; то церковь Его по праву можетъ считать своими всѣхъ, которые хотя не прямо во имя вѣры, однакожъ по духу вѣры, учатъ правиламъ истинной чести и предохраняютъ отъ дѣлъ неправедныхъ и безчестныхъ? Дай Богъ, чтобы побольше являлось такихъ учителей между нами! Въ особенности люди, обладающіе литературными талантами, пусть употребляютъ дарованія свои на служеніе истинѣ и правдѣ, и они достойно послужатъ обществу и церкви, и церковь будетъ поминать ихъ, какъ дѣлателей вертограда Божія, хотя бы повидимому они трудились и не въ ея оградѣ!

Сто лѣтъ прошло со дня рожденія И. А. Крылова и почти четверть вѣка съ его кончины, но не поздо теперь будетъ и не поздо никогда поминать имя его съ уваженіемъ и признательностію православно-русскому человѣку. Да будетъ многовѣчная память ему здѣсь—въ любви народной, и вѣчное блаженство тамъ—въ благоволеніи общаго Небеснаго Отца нашего!

КРЫЛОВЪ, КАКЪ ВЫСШІЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОЙ БАСНИ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ ординарнымъ профессоромъ русской словесности А. И. Селинымъ.

Мм. Гг.!

Не одна любовь къ просвѣщенію соединяетъ насъ здѣсь въ четвертый уже разъ съ 1865 года; эти торжественныя собранія знаменательны тѣмъ, что каждый разъ ихъ вызывало вѣковое событіе въ умственной жизни нашего отечества; въ нихъ есть и другое, не менѣе важное значеніе, есть нѣчто облагороживающее человѣческую природу: потомство, въ лицѣ каждаго изъ насъ, соединившихся въ храмъ науки, торжественно воздаетъ благодарность великимъ людямъ за умственныя ихъ благодѣянія, за просвѣтлѣніе духа возвышенными ихъ идеями, за мудрые уроки жизни, за честь бесѣдовать съ ихъ геніемъ. Вотъ почему чествовали мы славную память крестьянина, котораго Провидѣніе избрало представителемъ умственныхъ силъ Россіи цѣлой половины XVIII вѣка; знаменитаго историографа, въ которомъ такъ счастливо и такъ поучительно соединились слава писателя, достоинство человѣка и доблесть гражданина; наконецъ, достойнаго служителя алтаря, проповѣдника вѣры и ревностнаго чтителя науки. Сегодня мы совершаемъ торжественное празднованіе въ честь того славнаго имени, которое всѣ русскіе люди считаютъ своею драгоцѣннѣйшею собственностію и которымъ съ полнымъ правомъ гордятся передъ образованными народами древняго и новаго міра.

Совѣту Университета угодно было поручить мнѣ занять васъ бесѣдою о Крыловѣ, какъ о высшемъ представителѣ Русской Басни. Я

желалъ-бы обратить образованное ваше вниманіе на происхожденіе геніальныхъ его произведеній, на художественное изображеніе въ нихъ русской природы и русской жизни, наконецъ, на мѣсто нашего баснописца среди русскихъ писателей; но прежде позвольте мнѣ посвятить нѣсколько минутъ на обозрѣніе его поучительной жизни, которая освѣщается еще лучше сближеніемъ съ жизнію другой знаменитости, почти ровесника его: Карамзинъ былъ старше Крылова только годомъ и двумя мѣсяцами. Ничего въ нихъ нѣтъ сходнаго: воспитаніе, образъ жизни, направленіе литературное — совершенная противоположность. Одинъ вышелъ изъ-подъ крова нужды, трудовой службы, лишеній, и учился, какъ говорятъ, на мѣдныя деньги, и, можно даже прибавить, за деньги, которыми мать награждала его за вниманіе къ ея урокамъ; болѣе образована и далеко не такъ суровая была среда, въ которой провелъ свое идиллическое дѣтство Карамзинъ, увлекаясь романами и героями древности. Одинъ вступаетъ въ бѣдный міръ всяческихъ мелкихъ чиновниковъ; другой въ пансіонъ профессора и слушаетъ университетскія лекціи; одинъ радуетъ и счастливитъ мать, что поступилъ на 25 р. въ годъ жалованья въ Петербургскую казенную палату; другой довершаетъ свое образованіе въ высшей умственной средѣ и въ путешествіи по Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи. Карамзина нашелъ и увлекъ въ Дружеское общество Тургеневъ; Крыловъ самъ себѣ проложилъ дорогу, явившись къ трагику и комику Княжнину, когда этотъ былъ на верху славы и Дидоной, Рославомъ заставлялъ уже забывать Сумарокова. Карамзинъ хорошо зналъ, за что и какъ слѣдовало ему приниматься; Крылову указали другіе, въ чемъ его истинное призваніе. Оба издавали журналы, крайне противоположные по направленію: одинъ благодаритъ Бога за то, что расположеніе души его совершенно противно сатирическому, бранному духу, и хочетъ не учить, а только пріятно занимать русскую публику; другой издаетъ для того, »чтобы порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла читателя«. Одно только у нихъ общее: почти въ одни лѣта, уже поздно, оба обратились къ тѣмъ произведеніямъ, которыя привели обоихъ къ славѣ при жизни и къ безсмертію въ потомствѣ: Крыловъ написалъ первую басню, когда ему было уже 38 лѣтъ отъ роду, Карамзинъ приступилъ къ Исторіи Государства Россійскаго 37-ми.

I.

Сынъ бѣднаго армейскаго офицера, И. А. Крыловъ родился въ Москвѣ, 1768 г. 2 февраля. Еще младенцемъ онъ былъ завезенъ отцомъ въ Оренбургъ, въ тяжелое время бунта. Когда Пугачевъ (1773 г. сентября 18) съ шайкой въ 300 человѣкъ остановился въ трехъ верстахъ отъ Яицкой крѣпости, противъ него былъ высланъ передовой отрядъ во главѣ капитана Крылова. Изъ шайки выступилъ козакъ, держа надъ головой возмутительное письмо отъ Пугачева; козаки требовали, чтобы имъ прочитали письмо; Крыловъ противился; тогда половина отряда (100 человѣкъ) перешла къ бунтовщикамъ и насильно увлекла за собою еще 50 человѣкъ: Крыловъ принужденъ былъ воротиться назадъ. Измѣна обнаружилась наконецъ и въ городѣ; комендантъ оробѣлъ; »къ счастію, говоритъ Пушкинъ, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный«, и мятежники были отражены.—20 генваря 1774 г. самъ Пугачевъ повелъ свою ватагу на приступъ, но былъ отбитъ и потерялъ 400 человѣкъ. Въ бѣшенствѣ онъ поклялся повѣсить не только коменданта, но и Крылова со всѣмъ семействомъ. Младшій членъ этой семьи, шестилѣтній мальчикъ, обреченный на гибель самозванцемъ, былъ нашъ славный баснописецъ. Потрясающія впечатлѣнія животворны и не проходятъ безслѣдно: мужественный подвигъ отца, вѣрнаго среди измѣны и гибели, и благодать, осѣнившая дѣтскую голову, долженствовали поселить въ душѣ Крылова глубокую вѣру въ Провидѣніе, и она сохранилась въ немъ во всей чистотѣ и силѣ, и въ послѣдствіи выразилась въ художественномъ его созданіи *Безбожники* (1814), и въ другой превосходной баснѣ, точно также оригинальной: *Крестьянинъ* и *Лошадь* (1830). Эти неизгладимыя воспоминанія дѣтства, весьма вѣроятно, ожили въ картинѣ возстанія ожесточенныхъ безбожниковъ:

Мятежныя толпы, за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей, шумя, несутся въ поле.
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что, впрочемъ, съ ближнихъ горъ каменьями не трудно

На небо дошвырнуть въ боговъ,
И замѣтать Олимпъ стрѣлами.

* * *
* *

Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ богомяжныхъ;
Но съ тысячью смертей, и злыхъ, и неизбѣжныхъ,
На собственныя ихъ обрушились главы.

Въ другой баснѣ, повторимъ, ни у кого тоже не заимствованной, молодой Лошади кажется смѣшнымъ и безумнымъ ея хозяинъ, по пусту бросающій овесъ въ изрытую землю, вмѣсто того, чтобы кормить имъ лошадей, или по крайней мѣрѣ куръ, а крестьянинъ осенью, роптавшаго на него коня кормилъ уже новымъ овсомъ:

Не такъ ли дерзко человѣкъ
О волѣ судитъ Провидѣнья,
Въ безумной слѣпотѣ своей,
Не вѣдая Его ни цѣли, ни путей?

По усмиреніи мятежа и послѣ казни самозванца, отецъ Крылова перешелъ въ гражданскую службу, поселился въ Твери, гдѣ былъ предсѣдателемъ губернскаго магистрата до самой смерти (1780). Сирота остался на попеченіи бѣдной матери; сама она могла учить его только русской грамотѣ, но за то устроила такъ, что онъ былъ допущенъ къ урокамъ француза, учителя въ домѣ губернатора. Видно не легко приходилось Марьѣ Алексѣевнѣ, когда она поспѣшила записать сына, четырнадцатилѣтняго мальчика, въ Калязинскій уѣздный судъ подканцеляристомъ, а къ концу 1782 года перевела въ Тверь, канцеляристомъ магистрата, въ которомъ мужъ ея былъ предсѣдателемъ. Но нашъ канцелярист страстно любилъ читать; отъ отца у него остался цѣлый сундукъ съ книгами. Увлекшись вымыслами, четырнадцати лѣтъ отъ роду онъ написалъ оперу: »*Кофейница*«, за которую книгопродавецъ Брейткопфъ, вѣроятно, изъ участія къ возрасту автора, предложилъ ему 60 р.; но Крыловъ, отказавшись отъ денегъ, пожелалъ получить на нихъ французскихъ книгъ. Онъ выбралъ сочиненія Расина, Мольера, Буало, но, что замѣчательно, не хотѣлъ взять ни Вольтера, ни Кребильона. Долго спустя, они встрѣтились, какъ сослуживцы въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и Брейткопфъ возвратилъ Крылову Кофейницу, ко-

торый подарилъ ее другу своему, поэту Гнѣдичу, завѣщавшему рукопись Полтавской гимназіи. Этотъ обмѣнъ рукописи на книги происходилъ уже въ Петербургѣ, куда мать Крылова, не зная что̀ дѣлать отъ бѣдности, пріѣхала хлопотать о пансіонѣ. Въ это время Екатерина обратила *придворный* театръ въ зрѣлище *народное* (1783); вѣроятно, пораженный представленіемъ трагедій Княжнина, Крыловъ осмѣлился явиться къ автору, а черезъ него познакомился и потомъ подружился съ великимъ сценическимъ художникомъ Дмитревскимъ. Крыловъ ходитъ на службу въ Казенную палату, а въ свободное время къ Дмитревскому, на судъ котораго отдалъ двѣ свои трагедіи *(Клеопатра* и *Филомела)*, справидливо осужденныя на забвеніе. Напечатана была одна только Филомела, но и изъ ней уже видно, что нашъ поэтъ идетъ не по своей дорогѣ, и даже не подозрѣваетъ, какого рода и какой громадный талантъ въ немъ таится; правда, ему было тогда не болѣе осьмнадцати лѣтъ.

Въ 1788 году Крыловъ лишился нѣжно любимой матери; онъ поступилъ тогда же въ Кабинетъ Ея Величества, но черезъ два года оставилъ службу и началъ издавать журналы: *Почта Духовъ* (1789), *Зритель* (1792) и *С.-Петербургскій Меркурій* (1793).

Все, что только Крыловъ написалъ въ прозѣ въ этихъ трехъ журналахъ, я бы позволилъ себѣ назвать обширнымъ прологомъ къ художественнымъ его баснямъ, прибавивъ къ нему и двѣ комедіи, которыя, сравнительно съ тремя другими, можно назвать лучшими *(Модная Лавка* и *Урокъ дочкамъ)*. Эти прозаическія статьи почти всѣ до одной характера сатирическаго; въ нихъ изучающій Крылова прежде всего желаетъ знать, какъ авторъ двухъ трагедій, принимаясь за сатирическіе журналы, смотритъ на поэзію положительнаго (важнаго) и отрицательнаго характера. Посѣщая, какъ страстный любитель, недавно открытый народный театръ, Крыловъ, вѣроятно, обращалъ вниманіе на ту надпись, которую зрители могли читать на занавѣсѣ: *»польза отъ слезъ и смѣха«*. Не изъ подражанія, разумѣется, а по сходству въ пониманіи, и Крыловъ также думалъ: и онъ высказалъ такой же положительный, чисто-русскій взглядъ вообще на искусство, и на трагедію и комедію въ особенности. Иронически потакая свѣтскому предразсудку, въ одномъ разговорѣ онъ выводитъ актера, какъ шута, и вотъ какъ надѣляетъ его своимъ оригинальнымъ умомъ и остроумными замѣчаніями:

—Быть народнымъ шутомъ! Это очень тягостно!

—Напротивъ того, это очень весело. Лучше заставлять народъ смѣяться, или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилежанія, а не происками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести; мы и передъ самими царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однакожъ истину; между тѣмъ, какъ вельможи, не смѣя передъ ними раскрывать философическихъ книгъ, читаютъ имъ только оды и надутыя записки о ихъ побѣдахъ«.

Въ томъ же разговорѣ, Крыловъ выражаетъ совершенно своеобразныя понятія о сущности сатирическихъ сочиненій; особенно старается онъ поставить на видъ благотворное ихъ вліяніе на очищеніе общественной нравственности, и при этомъ высказываетъ ту справедливую мысль, что честная сатира, чуждая недостойныхъ личныхъ побужденій, самая лучшая помощница цивилизующаго правительства; она можетъ гораздо вѣрнѣе достигать своихъ благородныхъ цѣлей: »коме діянтъ не имѣетъ случая сдѣлать несправедливаго суда, угнетать какимъ нибудь откупомъ цѣлый городъ, проманивать по 20 лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Онъ можетъ поправить тѣ часто злоупотребленія, до которыхъ не достигаютъ законы, и которыя приносятъ государству болѣе вреда и разоренія, нежели самые хищные откупщики«.

Далѣе видно, что Крыловъ измѣняетъ трагедіи и явно предпочитаетъ сатирическій родъ сочиненіямъ важнаго характера; онъ самъ принимался за торжественныя оды, а между тѣмъ смотритъ на нихъ не только безъ сочувствія, но даже готовъ преслѣдовать идеальную, т. е. не реальную поэзію. Писать сатиру значитъ, по его мнѣнію, уловлять порокъ, и даже указывать на мелочи, чтобы порицаемый могъ узнать себя; въ одѣ, напротивъ, можно нанизать сколько угодно похвалъ и поднести любому изъ вельможъ, »и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы. Ода, какъ шелковой чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу«. Точно также нападаетъ онъ и на Идиллію, ставя противъ вымышленнаго пастуха *золотаго вѣка*, *дѣйствительнаго*

пастуха, горькаго бѣдняка, загорѣлаго отъ солнца, заметаннаго грязью, безъ свирѣли и безъ пастушки; потому что дѣйствительная-то пастушка, т. е. жена этого горемыки, отправилась въ городъ—продать возъ дровъ и послѣднюю курицу, чтобы прикрыть себя чѣмъ нибудь и не замерзнуть отъ холода. Въ заключеніи авторъ даетъ себѣ слово не судить о счастіи поселянъ *по описанію стихотворцевъ*.

Ясно показываютъ приведенныя мѣста, что прежняго трагика Крылова уже не видно; прочитавши »Филомелу«, никто не скажетъ, чтобы онъ былъ истинный поэтъ и художникъ въ произведеніяхъ важнаго характера; здѣсь, напротивъ, онъ несомнѣнный талантъ, и какъ будто у себя дома: откуда взялась необыкновенная для возраста наблюдательность (ему еще только 21 годъ), тонкій умъ и такой колкій сарказмъ. И читатель видитъ, и самъ Крыловъ долженъ былъ чувствовать, что онъ, долго бродивши ощупью, выходитъ по крайней мѣрѣ на настоящую дорогу, хотя до мѣста истиннаго назначенія надо еще пройти необозримое пространство.

Ознакомившись съ положительнымъ, практическимъ взглядомъ Крылова на искусство, замѣтивъ его явную симпатію къ поэзіи отрицательнаго характера, доходящую до несправедливаго пристрастія къ литературѣ противоположнаго направленія, посмотримъ, что онъ нашелъ дурнаго въ современномъ обществѣ.

Во-первыхъ. Онъ видитъ, что лучшее, или такъ-называемое высшее русское общество—совсѣмъ *не русское*; оно рабски благоговѣетъ передъ иностранцами, особенно передъ французами, и старается болѣе всего о томъ, какъ бы уподобиться этимъ благодѣтелямъ Россіи *):

»Французы растолковали намъ, что у насъ нѣтъ ничего необходимаго, и мы устыдились своего невѣжества. Насъ стали возить въ ящикѣ, какъ деревенскіе мужики возятъ куръ на продажу; мы посыпали голову мукой, и думаемъ, что стали просвѣщеннѣе всѣхъ европейцевъ. Насъ посвятили въ тайны—превращать куля четыре муки въ посредственную англійскую шляпку и не менѣе кулей 10 на простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Этого мало, насъ научили и людей превращать въ модные товары. Вельможа, украшенный драгоцѣнными бездѣлицами, внушаетъ великое о себѣ мнѣніе иностранцамъ; правда, отъ этого русскіе мужики умираютъ иногда съ голоду, но это бездѣлица... вотъ

*) Примѣры эти почти всѣ сведены изъ разныхъ мѣстъ.

французъ—дѣло другое: чтобы онъ ни натворилъ, не потеряетъ въ Россіи уваженія; за что тамъ, во Франціи, его пошлютъ на галеры, за то у насъ назовутъ острякомъ. Особенно хорошо танцмейстеру: его принимаютъ лучше, нежели заслуженнаго офицера... да такъ и слѣдуетъ, потому что въ просвѣщенномъ свѣтѣ хорошія ноги въ большемъ уваженіи, нежели головы. Французы—истинныя мастера разорять Россію—модными товарами, рукодѣльемъ, особенно чесаніемъ волосъ и учительствомъ. Они воспитываютъ нашихъ дѣтей не для отечества, а собственно для себя, и плоды прекрасные: съ тѣхъ поръ, какъ они взяли подъ свое покровительство наше юношество, всякая наша дѣвушка въ 15 лѣтъ становится хитрѣе своей матушки, и, смѣясь надъ скучнымъ предразсудкомъ бабушекъ, не останавливается передъ совѣстію«.

Нарочно остановлюсь на послѣднемъ тяжеломъ мѣстѣ: соціальный порокъ и та правда, которая слишкомъ больно колетъ глаза родителямъ и, надо признаться, смущаетъ читателя, далеко не такъ ядовито, а между тѣмъ еще поразительнѣе будетъ изображена въ оригинальной баснѣ, въ высшей степени художественной: *Кукушка* и *Горлинка* (1817). Въ этой аллегорической картинѣ превосходно объяснены непочтеніе и нелюбовь дѣтей къ родителямъ, ввѣрявшимъ ихъ наемникамъ: Горлинка, на жалобу Кукушки, которая клала яица въ чужія гнѣзда, отвѣчаетъ:

Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?

Едвали есть у Крылова другая басня, которая была-бы исполнена такой неподражаемой граціи, и притомъ задумана такъ творчески-вѣрно, какъ *Горлинка* и *Кукушка*. Кто найдетъ въ природѣ, особенно въ царствѣ животномъ, настоящей родинѣ басни, другой, лучшій примѣръ для изображенія безпечности родителей? Крыловъ, вскормленный народными поэтическими преданіями, указалъ именно на ту птицу, которая и гнѣзда для дѣтей не имѣетъ!

Всѣ эти плачевные образцы невѣжества, грубаго понятія о воспитаніи, неумѣнья уважать свое народное достоинство, вызывавшіе глубокое негодованіе честнаго писателя, превратятся послѣ въ самыя разнообразныя художественныя картины. Онъ олицетворитъ потомъ тѣ же самыя мысли въ образѣ *Змѣи* (1816), которая приползла къ крестьянину съ предложеніемъ нянчить его дѣтей. Въ другой баснѣ, наглядным и вѣрнымъ сравненіемъ Крыловъ представляетъ слѣдствія

дурныхъ внушеній: если разъ не усмотришь, какъ что-нибудь вредное войдетъ въ душу питомца, то послѣ, хватай онъ звѣзды съ неба, а въ поступкахъ и дѣлахъ, будетъ отзываться, какъ *Бочка* виномъ (1815). Воспитаніе льва есть живописное изображеніе главной науки государей—знать свойства управляемаго народа и блюсти выгоды отечества. Сюда же можно отнести басню *Червонецъ* (1812), который отъ слишкомъ усерднаго тренія о кирпичъ и всяческія полирующія вещи теряетъ свой природный вѣсъ и цѣнность.

Во-вторыхъ. Въ современномъ обществѣ русскомъ Крыловъ выставляетъ на видъ и неумолимо преслѣдуетъ неуваженіе къ человѣческому достоинству, непризнаніе истинныхъ заслугъ, величанье знатностію рода, высокомѣріе и барскую спѣсь:

»Сколько ни бредятъ философы, что мы братья и дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, а вина природы. Къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ, отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужели она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Вотъ болѣе 300 лѣтъ прошло, какъ въ родѣ Звениголова появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія.... наконецъ появился Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная душа его чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ восхищенный отецъ, онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать; по этому можно отгадать, что онъ благородной крови!«

Сколько такихъ встрѣчъ понадобилось автору, сколько ощущеній нужно было ему пережить, сколько образовъ лелѣяла его фантазія и разбивала ихъ, пока наконецъ (1811) цѣлое поколѣніе, пораженное блестящимъ, живописнымъ разсказомъ и художествомъ драматизма, не начало повторять въ слѣдъ за Крыловымъ:

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать?

Въ-третьихъ. Крыловъ обнажаетъ и безпощадно преслѣдуетъ взяточничество, порокъ еще старой Руси, но и при немъ повсемѣстный, и притомъ едвали не болѣе всѣхъ ему знакомый; потому что съ ранняго возраста онъ встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу въ землѣ нашей, великой и обильной, въ самыхъ мелкихъ и въ самыхъ крупныхъ видахъ, и во всемъ разнообразіи, въ соединеніи съ заискиваніемъ у низшихъ, и съ угодливостію высшимъ.—Вотъ письмо взяточника—судьи: онъ журитъ племянника за слишкомъ частое употребленіе буквы *ъ*, двоеточій, запятыхъ и точекъ; пожалуй скажутъ не кстати умничаетъ. »Съ чего ты взялъ бросать службу? Да знаешь ли ты, что твой дѣдъ нажилъ больше 40,000 рублей; твой отецъ пріобрѣлъ большой каменный домъ, въ четыре этажа? Да и ты, мой свѣтъ, доколѣ не наживешь хотя посредственной деревнишки, дотолѣ я тебя изъ этой службы не выпущу, или не будь надъ тобой мое благословеніе; а ты знаешь, что этимъ шутить дурно«.

»Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ! Да и, братъ, и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ; за то теперь и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, мой другъ, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Велика бѣда въ праздникъ сходить на поклонъ. Къ обѣдни, скажешь ты мнѣ.—Къ обѣдни, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а если и некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ: Онъ до насъ милостивъ и не прогнѣвается, если иногда прогуляешь обѣдню; а совѣтникъ станетъ сердиться, и можетъ за это отомстить«.

Весьма замѣчательно, что на обличеніе этого закоренѣлаго порока Крыловъ написалъ самое большое количество басень; я замѣтилъ 18, а можетъ быть ихъ и болѣе. Если взять всѣ эти басни, поставить ихъ цѣлымъ рядомъ картинъ, отнять у нихъ забавный тонъ и веселую, игривую форму, уничтожить всѣ аллегоріи, превратить дѣйствующія лица въ людей; то не возможно будетъ смѣяться; внезапно будете вы поражены ужасною картиною неправосудія, грабительства, безправія, продажности, обмановъ: вотъ бѣдные крестьяне пришли къ *Большой Рѣкѣ* съ жалобой на ручьи и ручейки, и вдругъ видятъ, что половину расхищеннаго ихъ добра набольшая-то Рѣка несетъ на себѣ; а тамъ могучій *Левъ* разрываетъ на части добычу, налагаетъ лапу на всѣ

четыре, и грозитъ смертію тому, кто посмѣетъ идти противъ его силы. Посмотрите на этого беззащитнаго *Яненка*, котораго сейчасъ растерзаютъ: онъ виноватъ даже тѣмъ, что *Волку* захотѣлось кушать. Всѣмъ извѣстно, что овцы не ѣдятъ мяснаго, но послушайте, какъ судья—*Лиса*, наведя справки, читаетъ приговоръ за съѣденіе куръ:

Казнить Овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Тамъ благодушный *Слонъ*—воевода строго-на-строго приказываетъ всѣмъ..... что же?—Не брать съ овецъ больше одной шкуры! Здѣсь звѣри собрали дань *Льву*, и каждый съумѣлъ сдѣлать себѣ изъ ней запасъ на зиму. Какая горькая иронія слышится въ рѣшеніи закона: *Овца* властна схватить за шиворотъ обидчика—*Волка* и представить его въ судъ! Здѣсь плотоядные звѣри, каясь въ грѣхахъ во время чумы, приговариваютъ Вола къ сожженію на кострѣ, а онъ согрѣшилъ меньше всѣхъ: только взялъ у попа съ воза небольшой клокъ сѣна. Тутъ слабая власть въ лицѣ *Повара* безъ умолку разглагольствуетъ и увѣщеваетъ вора—*Кота*, а онъ подъ эту брань успѣлъ уже съѣсть все жаркое. Вотъ бѣжитъ *Лиса* и жалуется, что ее прогнали за взятки, тогда какъ она отъ усердія къ службѣ и не доѣдала, и не досыпала; а въ этой теплой берлогѣ сосетъ лапу *Медвѣдь*, падкій къ меду, и ждетъ погоды. Здѣсь строгіе судьи приговорили вора къ позорной казни; »этого мало, говоритъ *прокуроръ*—*Лиса*, утопить *Щуку* и бросить ее въ рѣку!«—Тамъ раздается крикъ: это *Волкъ*, скликающій народъ: онъ увидѣлъ мышенка, утащившаго косточку, и кричитъ »караулъ«, а самъ съѣлъ почти цѣлую овцу. Савва, пастухъ изъ опальныхъ поваренковъ, въ горькой кручинѣ жалуется міру на страшнаго волка, который терзаетъ овецъ, а послѣ оказалось, что овецъ-то ѣлъ Савва. Всѣ хвалятъ *Лису*—строителя за огражденіе отъ воровъ, а куры между тѣмъ исчезаютъ. Тутъ самъ Левъ поймалъ похитителя на мѣстѣ преступленья: онъ жарилъ *Рыбъ*, и тѣ прыгаютъ на сковородѣ; но виновникъ нагло увѣряетъ: »Рыбы пляшутъ отъ радости, что видятъ царя звѣрей!« Кажется, очевидно, что отъ такихъ объективныхъ описаній, аллегорическихъ картинъ и забавныхъ разсказовъ, становится гораздо страшнѣе, нежели отъ всей Почты Духовъ, отъ Зрителя, отъ С.-Петербургскаго Меркурія и отъ всѣхъ комедій Крылова. Чтобы сколько нибудь успо-

коить возмущенное нравственное чувство, невольно спрашиваете вы: кто же спасется въ этой кромѣшной тьмѣ беззаконій и войдетъ въ рай?—Только одинъ, нищій духомъ, тотъ сатрапъ, который жилъ растительною жизнію: пилъ, ѣлъ и спалъ, и только подписывалъ все, что ни подавалъ ему секретарь!

Наконецъ, сатирическія статьи, названныя нами прологомъ къ баснямъ, сами по себѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, представляютъ фазисы въ развитіи поэтическаго таланта Крылова. Въ первомъ значеніи, онѣ отличаются сначала крайне рѣзкимъ тономъ, безпощадностію обличенія и очевиднымъ преувеличеніемъ. На первомъ планѣ—личное чувство автора: онъ не столько занятъ изображеніемъ предметовъ, сколько изліяніемъ собственныхъ ощущеній, которыя они возбуждаютъ въ немъ; читателя не столько поражаетъ вѣрная картина пороковъ, сколько негодованіе самого сатирика, ѣдкая его насмѣшка, иногда аттическая иронія и ядовитый сарказмъ:

»Чѣмъ больше живу между людьми, тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ,—и въ ту же минуту всѣ лица вокругъ нея сморщатся; большой баринъ улыбнется,—и вдругъ собранныя вокругъ его машинки на красныхъ каблучкахъ зачинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ; но всѣ какъ будто на пружинахъ, которыми движутъ такія же машины: *свѣтская благопристойность, щекотливая честь, обряды* и *моды*«. Воззрѣнія эти на жизнь и людей возвышаются иногда до мрачнаго, трагическаго паѳоса: »всѣ жалуются, всѣ толкуютъ, что жить не чѣмъ: у всѣхъ недостатокъ въ необходимости, и всѣ говорятъ, что будто приближается послѣдній вѣкъ; а я такъ думаю, что свѣта преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ«.....

Въ 1792 году Крыловъ почти отступается отъ сатиры, точно такъ, какъ нѣкогда для нея оставилъ трагедію; вотъ почему нельзя не обратить вниманія на высказанную имъ мысль: »пиши такъ, чтобы всякій улыбался, читая твои описанія, иные бы краснѣли, но чтобы на тебя не сердился никто: это-то и есть искусство сатиры«. Здѣсь Крыловъ начинаетъ уяснять собственный свой талантъ: вмѣсто личныхъ чувствъ—осмѣянія слабостей и негодованія къ пороку—что и состав-

ляетъ сущность сатиры—онъ уже стремится стать въ положеніе живописца, котораго бы не видно было за картиной, требуетъ описанія, т. е. вѣрнаго изображенія дѣйствительности, а не изліяній душевныхъ. Итакъ, съ внутренней стороны, мы видимъ не только переходъ отъ лирическаго вдохновенія, отъ выраженія личныхъ чувствъ къ эпическому изображенію явленій жизни, но и постепенное движеніе таланта къ уразумѣнію истиннаго своего назначенія. Уже въ басняхъ, и только тамъ, Крыловъ высказываетъ съ совершенною ясностію, какое настроеніе души необходимо ему для того, чтобы геній его могъ принять смѣлый полетъ и явиться во всей полнотѣ, во всей силѣ поэтическаго творчества. Это сознаніе онъ высказалъ, когда уже написалъ почти 90 басенъ и когда онъ, можно сказать, царствовалъ уже въ этой области поэзіи, именно: въ трехъ знаменательныхъ словахъ аполога— *Волкъ* и *Лисица* (1816):

Истина сноснѣе вполоткрыта.

Не даромъ ихъ написалъ на портретѣ профессоръ Волковъ, изобразившій Крылова на 44 году жизни, въ моментъ эпическаго вдохновенія, глубоко спокойнаго созерцанія явленій жизни, которыя шумною, разнообразною толпою несутся мимо, отражаясь на зеркальной поверхности его невозмутимой фантазіи. На этомъ лицѣ, вдохновленномъ Олимпійски-спокойно, художникъ изобразилъ всю сущность, весь характеръ поэзіи Крылова, изобразилъ именно такъ, какъ долженъ опредѣлить ихъ ученый критикъ.

Съ другой, *внѣшней* стороны, невольно обращаетъ на себя вниманіе мѣняющаяся, разнообразная форма сатирическихъ сочиненій, то повѣствовательная, то драматическая: или оживленный разсказъ, или группа разговаривающихъ лицъ. У богатаго именинника ведутъ бесѣду случайные пріятели: вельможа Припрыжкинъ, съ головы до ногъ офранцуженный, горой стоитъ за отечество и превозноситъ любовь къ нему; купецъ Плуторѣзъ хвалитъ безкорыстіе; судья Тихокрадовъ выше всего ставитъ честь; но всѣ, въ томъ числѣ и капитанъ Рубакинъ, желаютъ ослабить законы, уже слишкомъ строгіе къ мошенникамъ. Итакъ Крыловъ, подмѣчая общественные пороки, облекаетъ ихъ сначала въ прозрачныя имена и характеры; отсюда Вѣтродумы, Промоты, Подлоны и т. д.; этого мало, въ первомъ своемъ журналѣ онъ уже начинаетъ

переходить въ тотъ видъ поэзіи, который далъ ему безсмертіе, т. е. въ басню: забравшись невидимкой въ модный магазинъ, *гномъ* слышитъ разговоръ: наперерывъ хвалятся преимуществами и знаніемъ житейскихъ тайнъ Англійская Шляпка, Французскій Токъ, Покоевый Чепчикъ и Блондовая Косынка. Въ той же *Почтѣ Духовъ*, у Крылова выводятся на сцену хвастливое *Полотно*, на которомъ изображена Венера, и насмѣшливый *Паукъ*, раскинувшій на немъ свою сѣть. Для меня это явленіе въ литературной жизни Крылова въ высшей степени замѣчательное: случайно напасть на свою дорогу на 22-мъ году жизни, потомъ сойти съ ней, и около 40 лѣтъ отъ роду не снова попасть, а быть поставленнымъ на ней, и уже не сходить съ нея!—Поэтъ какимъ-то художническимъ инстинктомъ обнаружилъ свою природу: еще тогда талантъ его изъ оковъ школы пробивался на вольный воздухъ, стоялъ у самаго входа въ міръ аллегорій, разнообразнаго царства растеній и животныхъ, откуда въ послѣдствіи Крыловъ переселитъ ихъ всѣхъ въ русскую своеобразную землю, надѣлитъ свойствами русскаго человѣка и одаритъ народной русской рѣчью.

Изданіемъ журналовъ, комедіями, даже стихотвореніями Крыловъ пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную извѣстность. Съ 1801 года начала ему покровительствовать Императрица Марія Ѳедоровна; Она поручила его рижскому генералъ-губернатору, кн. Голицину, который взялъ его къ себѣ въ секретари, а послѣ, когда оставлялъ Ригу, уговорилъ поѣхать съ нимъ въ деревню, въ Саратовскую губернію, гдѣ Крыловъ пробылъ три года. Въ 1806 году, достопамятномъ для Крылова и для русской словесности, онъ, возвращаясь въ Петербургъ, былъ въ Москвѣ, въ которой съ славою подвизались исторіографъ Карамзинъ; другъ его, поэтъ Дмитріевъ, и будущая знаменитость—Жуковскій, въ то время извѣстный элегіей: Сельское Кладбище, повѣстями и переводомъ Донъ Кихота (1805). Для того, чтобы сблизиться съ Дмитріевымъ, Крыловъ перевелъ двѣ басни Лафонтена »*Дубъ* и *Трость*« и »*Разборчивая Невѣста*«.

Первую изъ нихъ Дмитріевъ перевелъ самъ, и она можетъ назваться одной изъ самыхъ художественныхъ его басень, особенно по изображенію бури и разрушенія:

вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ,

Летитъ, кружится листъ; Трость гнется—Дубъ стоитъ.
Вѣтръ пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ—
Упалъ!

Чтобы приняться за новый переводъ послѣ такого превосходнаго произведенія, и притомъ съ цѣлію познакомиться ближе съ знаменитымъ авторомъ его, надо было уже имѣть вѣру въ силу своего таланта, и дѣйствительно, сравнивши эти художественныя переложенія, ясно видишь, что Крыловъ не на судъ представляетъ Дмитріеву свою басню, а его самого вызываетъ на литературный турниръ. И Дмитріевъ, прочитавши обѣ басни, даетъ совѣтъ автору не покидать этого рода поэзіи, уговариваетъ Крылова и предсказываетъ ему, что басня приведетъ его къ славѣ. Крыловъ тогда же перевелъ изъ Лафонтена еще одну басню (*Старикъ и Трое молодыхъ*); первыя двѣ, а потомъ и послѣдняя были напечатаны въ томъ же году, въ журналѣ кн. Шаликова: «Московскій Зритель«. Наконецъ, въ 1809 году, явилась на свѣтъ книжечка; въ ней всего на все 54 страницы, но малъ золотникъ, да дорогъ! Это было первое изданіе басень И. Крылова; всѣхъ ихъ напечатано 23; тогда же издатель Вѣстника Европы, Жуковскій, въ томъ же году, въ 9 №, напечаталъ прекрасную статью, въ которой подробно изложены общія понятія о баснѣ, разсказана ея исторія, говорится объ условіяхъ, и потомъ идетъ разборъ басень Крылова; Жуковскій и въ переводахъ называетъ его *оригинальнымъ* поэтомъ. Въ 1811 году Крыловъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены *Бесѣды Любителей Русскаго Слова*, которые каждый мѣсяцъ собирались въ домѣ Державина. Въ этомъ обществѣ, высшемъ въ самомъ строгомъ смыслѣ, въ кругу знаменитостей, любителей и меценатовъ русской литературы, Крыловъ читалъ свои басни и возбуждалъ единодушный восторгъ слушателей. Члены Россійской Академіи, собиравшіеся у Державина, въ концѣ того же года, избрали Крылова въ академики. Въ достопамятный 1812 годъ Крыловъ поступилъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, только за годъ открытую подъ этимъ именемъ; при нашествіи иноплеменниковъ, 150,000 томовъ этой библіотеки были отправлены водою въ Олонецкую губернію. Послѣ изгнанія французовъ, при новомъ открытіи библіотеки, 1814 г. 2 генваря, Оленинъ и Гнѣдичъ произносили

рѣчи, а Крыловъ читалъ свою басню: »*Водолазы*« (1813). Только въ 1841 году онъ окончательно оставилъ службу и получалъ до 12.000 р. содержанія; потому что Александръ Благословенный и Императоръ Николай, въ уваженіе заслугъ Крылова отечественной словесности, жаловали его значительными прибавленіями изъ собственнаго кабинета. Оба государя высоко цѣнили знаменитаго писателя; въ 1831 году, нашъ *Царь освободитель*, на новый годъ, получилъ отъ покойнаго родителя подарокъ—бюстъ Крылова. Глубоко былъ тронутъ поэтъ этою высокою честію, тѣмъ болѣе, что это явленіе само по себѣ въ высшей степени знаменательное: непублично, а въ закрытомъ мірѣ семьи, государь безъ словъ выразилъ личное свое уваженіе и будущему государю безмолвно завѣщалъ воздавать подобающую честь геніальному подданному. Въ нынѣшній день, ровно 30 лѣтъ тому назадъ, Императоръ Николай изъявилъ согласіе на желаніе всѣхъ русскихъ писателей отпраздновать 50-ти лѣтній юбилей литературныхъ успѣховъ Крылова. На это торжество явилось 300 человѣкъ: всѣ представители наукъ и искусствъ, отъ знаменитостей до самыхъ скромныхъ талантовъ. Ректоръ С.-петербургскаго университета явился къ Крылову и привѣтствовалъ его, какъ депутатъ; при входѣ въ собраніе, юбиляра встрѣтилъ краткою рѣчью Оленинъ; министръ Уваровъ прочиталъ Высочайшій Рескриптъ, украсилъ звѣздою грудь поэта, и пригласилъ его въ особую залу, въ которой его привѣтствовали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи: глубоко, до слезъ былъ растроганъ Крыловъ такою высокою почестію. Министръ Уваровъ, кн. Вяземскій, Жуковскій, кн. Одоевскій, за Бенедиктова Блудовъ громогласно воздавали должную хвалу поэту: одни говорили одушевленныя рѣчи, другіе читали стихи; когда Крыловъ проходилъ близъ хоръ, его осыпали цвѣтами и лаврами. Тронутый уваженіемъ и сочувствіемъ русскихъ женщинъ, Крыловъ взялъ одинъ вѣнокъ и началъ раздавать изъ него по листку своимъ друзьямъ. Въ воспоминаніе пятидесятилѣтняго служенія литературѣ, съ Высочайшаго разрѣшенія, на счетъ казны была выбита медаль съ портретомъ баснописца и открыта подписка на Крыловскую стипендію.

Только свидѣтель могъ разсказать то, что было самаго умилительнаго въ этомъ національномъ торжествѣ: »Крыловъ, окруженный многочисленными почитателями своими, въ эти минуты занималъ каждаго, какъ первый изъ тѣхъ талантовъ, которые созидаютъ неисчезающее величіе націй. Но что выражало его полувеселое и полузадумчивое

лице? О, къ его душѣ, вѣрно, тѣснилось все прошедшее—одно, что не измѣняется никогда въ своей прелести. Онъ вѣрно проходилъ мыслію по этому чудному пути, который указало ему тайное Провидѣніе, чтобы темное, заботамъ и трудамъ обреченное дитя увѣнчано было въ старости, по единодушному отзыву всего отечества«.

Но не въ одномъ отечествѣ Крыловъ пожиналъ лавры при жизни; гораздо раньше оказана была ему величайшая почесть учеными, литераторами иностранными, благодаря просвѣщенному патріотизму Григорія Владиміровича Орлова, племянника Чесменскаго. Этотъ вельможа по рожденію и еще болѣе по величію духа, членъ Академіи С.-петербургской и Неаполитанской, Московскаго университета и многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный своими сочиненіями по исторіи итальянской музыки и живописи, своими Записками о Неаполитанскомъ королевствѣ и Путешествіемъ въ полуденную Францію, долго жилъ въ Италіи съ своей супругой, урожденной граф. Салтыковой. Эти двѣ свѣтлыя личности соединяли въ своемъ домѣ цвѣтъ ученаго и артистическаго общества, и на чужбинѣ одушевлены были любовію къ славѣ отечества и сочувствовали успѣхамъ родной словесности, особенно Анна Ивановна, благоговѣвшая передъ Крыловымъ. Они предложили итальянскимъ литераторамъ свой буквальный переводъ басень Крылова съ условіемъ, чтобы тѣ, съ своей стороны, переложили ихъ на итальянскіе стихи. 36 писателей приступили къ переложенію художественныхъ созданій нашего Крылова, и вотъ на языкѣ Данта и Торквато явилось 86 русскихъ басень: Ламприди перевелъ 19, Сальфи 7, Риччи 6, многіе по одной. Орловы переѣхали въ Парижъ, и тамъ точно также собирались у нихъ всѣ ученые, литераторы, художники и вельможи; и тамъ такую же услугу оказали они литературѣ, Россіи и Крылову: 49 литераторовъ и 10 писательницъ перевели 86 басень на французскій языкъ стихами. Чтобы дать понятіе, какія трудности нужно было побѣждать русскимъ патріотамъ, при буквальномъ переводѣ французамъ съ оригинальнѣйшаго языка въ мірѣ, и съ какими усиліями 59 писателей и писательницъ старались передать по своему одного, довольно указать на два стиха изъ басни: »*Трое женецъ*«:

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ,—

Амори Дюваль передалъ ихъ въ 20 французскихъ стихахъ. — Академикъ Лемонте написалъ французское введеніе, Сальфи итальянское предисловіе, Григорій Орловъ русское посвященіе И. А. Крылову, и вотъ въ Парижѣ, въ 1825 году, вышло роскошное изданіе 86 басень, съ портретомъ автора и съ пятью гравюрами; басни шли въ такомъ порядкѣ: русскій подлинникъ, за нимъ французское переложеніе въ стихахъ и потомъ итальянское *).

Если нужда, горькія лишенія и смертельныя опасности встрѣтили Крылова при появленіи на свѣтъ и въ раннемъ дѣтствѣ; то послѣ, и дома, и на чужбинѣ, онъ былъ озаренъ завиднымъ блескомъ почестей. Слава шествовала за нимъ при жизни, и сопровождала его до могилы, украсивъ блѣдное чело усопшаго лаврами безсмертія! — Крыловъ умеръ 1844 года, 9 ноября, почти 77 лѣтъ отъ роду; черезъ 10 лѣтъ, ему, настоящему представителю русской народности, воздвигли памятникъ русскіе люди.

Профессоръ Порошинъ въ статьѣ своей о Крыловѣ, во многихъ отношеніяхъ оригинальной, напрасно высказалъ ту мысль, что басня не народна у насъ; напротивъ, до такой степени народна, что мы встрѣчаемъ ея слѣды еще въ языческой Руси: древляне на требованіе дани отвѣчаютъ варягу Игорю аллегорическимъ примѣромъ, представляя себя овцами, а Игоря волкомъ. Еслибы возможно было сравнить басни Индіи, Греціи, Рима не только съ позднѣйшими произведеніями европейцевъ, но и съ устными народными притчами ихъ; то, можетъ быть, открылось-бы, что басня, въ первобытномъ, грубомъ своемъ видѣ, возникла еще у Аріевъ, въ средней Азіи, въ то доисторическое, патріархальное время, когда они не уходили другъ отъ друга на край свѣта и не пересоздавали въ послѣдствіи первобытную басню въ художественные образцы: въ Индіи—Бидпай, или Вишну—Сарма, въ Греціи—Эзопъ, въ Римѣ—Федръ и т. д.

И древней христіанской Руси не была чужда она; Владиміръ Св. разсказываетъ свой сонъ аллегорическимъ апологомъ:

---

*) Fables russes tirées du recueil de M. Kryloff, et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, avec une introduction française de Lémontey et une préface italienne de Salfi, 2 vol. in.—8°. Paris. 1825.

Мнѣ вечеръ спалось,
Вечеръ снилося:
Два звѣря сходилися—
Бѣлъ Заяцъ и *Сѣръ Заяцъ*.

Царь Давидъ такъ объясняетъ князю аллегорическое сновидѣніе:

А не два звѣря сходилися,
И не *Бѣлъ Заяцъ* и не *Сѣръ Заяцъ*,
Сходилася *Правда* съ *Кривдою*;
Правда Кривду переспорила;
Кривда оставалась на сырой землѣ,
А *Правда* пошла по поднебесью.

Подвижники Печерскіе назвали инока Матвѣя *прозорливымъ* за то, что онъ, въ бесѣдахъ съ братіей, передавалъ свои наблюденія и замѣчанія о немощахъ человѣческой природы въ иносказательныхъ видѣніяхъ, въ тѣхъ же апологахъ. Въ двухъ изъ нихъ дѣйствуетъ *Бѣсъ*, въ третьемъ *Оселъ*. Существенныя черты характера народнаго видоизмѣняются, но исчезать не могутъ: въ XI вѣкѣ и въ XIX столѣтіи природа русскаго человѣка въ сущности та же самая. Въ одномъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ нашихъ, русскій народъ выступаетъ съ воззрѣніемъ на міръ *преимущественно нравственнымъ*, и самый памятникъ знаменательно названъ Русской Правдой. Такъ было и въ изящной литературѣ русской: лучшіе наши писатели тѣ, въ произведеніяхъ которыхъ выразилось міросозерцаніе нравственное; самые недостатки ихъ объясняются этимъ стремленіемъ: вотъ отчего Кантемиръ, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Грибоѣдовъ, даже Гоголь, изъ поэзіи переходятъ въ поученіе, почти въ проповѣдь. Современные наши писатели, Островскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, съ бо́льшимъ или меньшимъ сознаніемъ русскаго идеала, требуютъ правды въ жизни. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ: когда въ Капитоліи вѣнчали Петрарку, сенаторъ римскій, кардиналъ Орсини, возлагая вѣнокъ на голову поэта, произнесъ громогласно:

»Corono la prima *virtu*—вѣнчаю первенствующую *добродѣтель*«;

художника-музыканта итальянцы называютъ *добродѣтельнымъ*—*virtuoso*, что̀ показалось страннымъ даже французамъ, которые рѣзко измѣ-

няютъ это слово именно для того, чтобы строго раздѣлить понятіе добродѣтельнаго и художника: итальянское *virtuoso*—въ первомъ значеніи—по французски будетъ *vertueux*, а во второмъ *virtuose*. Но назвать художника добродѣтельнымъ въ понятіи русскаго человѣка—величайшая нелѣпость, даже больше—богохульство; потому что идеалъ русскаго народа не этотъ, совершенно иной: продолжительно и основательно изучая исторію русской литературы, можно, кажется, придти къ заключенію, что онъ состоитъ въ стремленіи согласить *сознаніе* и *волю*, такъ, чтобы между *убѣжденіемъ* и прямымъ слѣдствіемъ его, *дѣломъ*, *поступкомъ*, не было противорѣчія. И въ этомъ отношеніи Крыловъ—одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей коренныхъ свойствъ русскаго духа; на всѣ явленія умственной и общественной жизни онъ смотритъ *практически-нравственно*, и для него идея справедливаго, вѣчная правда есть идеалъ всѣхъ стремленій; этому высшему нравственному началу онъ безусловно подчиняетъ жизнь, науку, даже самое искусство. Вотъ почему у него особенно—поразительна картина мученій въ аду, *Сочинителя* и *Разбойника*: этотъ губилъ людей, пока жилъ, и потому его вина—ничто въ сравненіи съ тлетворнымъ ядомъ, который разливалъ въ душахъ людей Сочинитель и по смерти своей. Крыловъ убѣжденъ, что *нравственное* должно быть душою *прекраснаго*; изобразить предметъ *вѣрно*, по его мнѣнію, *далеко не всё*. Ему приписываютъ, если не ошибаемся, глубокомысленное замѣчаніе, по поводу литературныхъ явленій на западѣ: осуждая крайности писателей, онъ возражалъ противъ вѣрности изображенія: »пожалуй, стрѣляя вѣрно, можно цѣлить и попасть въ глазъ«. Съ особенною силою и какъ нельзя болѣе наглядно выразилъ онъ эту мысль въ баснѣ: »*Змѣя*« (1830): всѣ птицы, заслушавшіяся соловьинаго голоса *Змѣи*, которымъ одарилъ ее Юпитеръ, задрожали, увидѣвши жало; звучно, дивно, говоритъ скворецъ,

Да только ты отъ насъ подалѣ пой.

О природной способности Крылова къ апологу мы уже говорили; припомнимъ, какъ рано сатирикъ-журналистъ переходилъ къ баснѣ; онъ вѣрно опредѣляетъ себя, можетъ быть, вовсе не имѣя этого въ виду, когда разсказываетъ, какъ онъ зашелъ во французскую лавку, къ славнѣйшей обманщицѣ: »я игралъ передъ ней лице деревенскаго дворянина, которымъ по большей части показываю я себя для того,

чтобы люди, видя меня подъ такимъ покровомъ, менѣе остерегались, и я бы имѣлъ болѣе случаевъ ихъ узнать«.—Тутъ и цѣль, и практическія средства. Берегитесь этого человѣка: онъ подходитъ къ вамъ безъ намѣренія сдѣлать вамъ зло, но съ затаенною цѣлію застать васъ въ расплохъ. Въ противоположность людямъ неосторожнымъ, онъ необыкновенно внимателенъ къ самому себѣ, молчаливъ, а если откроетъ ротъ, то говоритъ умно, складно, и никогда не проговорится. У великорусскихъ людей встрѣчается черта, едвали существующая у малороссіянина,—та непосредственность природы, которую я назвалъ-бы безоглядностію, пожалуй, подчасъ нетрезвость мысли, иначе, отсутствіе рефлекса и анализа. Въ великороссіянинѣ эта черта выдается очень рѣзко, и можетъ разрушать самые затаенные его замыслы, и она же говоритъ о глубокомъ незлобіи его природы. Изъ примѣра это будетъ яснѣе: Фамусовъ сильно бредитъ Скалозубомъ, который давно полковникъ, а служитъ недавно; въ самомъ благовидномъ очарованіи изображаетъ ему московскихъ дѣвицъ, которымъ не путемъ дивился его величество, король прусскій, и что же? Этотъ угодливый ловецъ жениха съ золотымъ мѣшкомъ вдругъ разрушаетъ всю свою тактику:

Дай Богъ терпѣніе,
Вѣдь самъ я былъ женатъ!

И простой народъ нашъ знаетъ хорошо, что есть въ немъ эта слабость: чтобы выгодно устроить дѣло, онъ посылаетъ бойкаго, рѣчистаго парня, а съ нимъ непремѣнно другаго, человѣка осторожнаго, съ оглядкой, который слѣдитъ за каждымъ словомъ, и чуть-чуть тотъ начнетъ проговариваться, тотчасъ его выручаетъ. Вотъ этотъ здравый смыслъ русскій, никогда не затмѣвающійся, и олицетворенъ въ Иванѣ Андреевичѣ: и онъ говоритъ, но не проговаривается, когда не слѣдуетъ. Можетъ быть, оттого и аллегорія у Крылова не вездѣ одинаково прозрачна. Въ баснѣ: »*Ворона* и *Курица*« (1812) онъ прямо называетъ лицо, которое чуть не боготворили патріоты:

Когда Смоленскій Князь и т. д.;

но Наполеона ли подразумѣвалъ Крыловъ въ *Воронѣ*, попавшей въ супъ къ французамъ, или кого-нибудь изъ нашихъ, пренебрегшаго совѣтомъ Курицы, рѣшать не беремся, хотя первое и утверждаютъ.

Болѣе прозрачна его аллегорія въ баснѣ: »*Волкъ на псарнѣ*« (1812). Ясно видно, что рѣчь идетъ о пожарѣ Москвы, о желаніи Наполеона заключить миръ и о народной мести: Волкъ забрался на псарню; поднялся крикъ; ворота на запоръ; сбѣгаются съ дубьемъ, съ ружьемъ и съ огнемъ; Волкъ, щетинясь, прижался задомъ къ углу; но видя, что настаетъ разсчетъ, вступаетъ въ переговоры, какъ *добрый дипломатъ*:

Друзья! Къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ *старинный сватъ* и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ...

Кутузовъ узналъ себя въ *Ловчемъ*: послѣ сраженія при Краснымъ, онъ разсказывалъ эту басню офицерамъ, и, при словахъ *Ловчаго* на льстивыя подходы *Волка*:

Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ!

снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою.—Напротивъ, въ баснѣ: *Заяцъ на ловлѣ* (1813) аллегорія далеко не такъ прозрачна: Наполеонъ представленъ *Медвѣдемъ*, котораго изловили *Звѣри, собравшись гуртьбой*; Австрія же въ образѣ *Зайца*: никто не видалъ его на ловлѣ, но онъ отъ куда ни взялся на дѣлежъ добычи, и тутъ же тянетъ за медвѣжье ушко. Басня: »*Котъ и Щука*«, отличающаяся безпощаднымъ порицаніемъ, ѣдкимъ негодованіемъ, очевидно, написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ неудачи адмирала Чичагова, переходъ котораго съ моря на сушу и нравственно - тяжелое положеніе послѣ неудачи, весьма ясно освѣщены и вѣрно представлены въ иносказаніи: *Щука*, засѣвшая съ *Котомъ* въ анбаръ ловить *мышей*, чуть живая лежитъ разиня ротъ, съ *хвостомъ* отъѣденнымъ *крысами* (аріергардъ, разбитый французами).

Не тогда-ли аллегорія Крылова понятнѣе и виднѣе, когда его личное мнѣніе отголосокъ народнаго, или сливается съ голосомъ общества? Намъ кажется, что личное его одобреніе или порицаніе, разумѣется, въ дѣлѣ народномъ, болѣе закрыто. Въ баснѣ: »*Обозъ*« (1812)—или полная вѣра въ мудрость Кутузова, или признаніе великой заслуги

Барклая де-Толли, порицатели котораго представлены въ молодой лошади: съ-горяча и зря тронулась она съ *возомъ*, да всѣ горшки и перебила. Баснѣ: »*Конь* и *Всадникъ*« (1816) Плетневъ даетъ слишкомъ общее значеніе отвѣта на политическіе толки; по мнѣнію другихъ, Крыловъ высказалъ въ ней свою симпатію къ тогдашней реакціи; но едвали не вѣрнѣе будетъ видѣть здѣсь взглядъ его на освобожденіе крестьянъ, уже нѣсколько лѣтъ занимавшее Александра Благословеннаго:

Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

Но Крыловъ весьма мало, даже почти совсѣмъ не стѣсняется, когда дѣло идетъ объ его личности, объ отношеніяхъ въ литературномъ мірѣ. Сюда можно отнести басни: »*Оселъ* и *Соловей*« (1811) »*Прихожанинъ*« (1825), аллегоріи совершенно прозрачныя для современниковъ, особенно для приверженцевъ Крылова и Дмитріева. Въ баснѣ: »*Кукушка* и *Пѣтухъ*« (1841) Крыловъ представилъ, какъ самъ признавался, двухъ извѣстныхъ литераторовъ, безъ мѣры хвалившихъ другъ друга:

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ Пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ Кукушку.

Мы сказали, какъ басня Крылова объясняется съ внутренней стороны—кореннымъ свойствомъ русскаго народа, личнымъ настроеніемъ автора, его характеромъ; дѣло другое появленіе басни, какъ художественнаго вида извѣстнаго рода поэзіи; тутъ рѣчь пойдетъ о вліяніи европейскомъ послѣ Петра Великаго. Образцы иноземные, древніе и новые, наши подражатели—предшественники Крылова, все это могло быть только школою для его самостоятельнаго таланта. Вотъ какъ очертилъ профессоръ Мерзляковъ исторію русскихъ басенъ: Сумароковъ нашелъ ихъ среди простаго, низкаго народа; Хемницеръ привелъ ихъ въ городъ; Дмитріевъ отворилъ имъ двери въ просвѣщенныя общества, отличающіяся вкусомъ и языкомъ.—Чтоже сдѣлалъ съ рус-

ской басней Крыловъ?—То, чего ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ, что сдѣлалъ геніальный Глинка изъ безъискусственной народной музыки: самую пошлую вещь, ужимистую плясовую, онъ превратилъ въ перлъ музыкальнаго юмористическаго созданія.

Правда, басня Хемницера (всѣхъ у него 91) имѣетъ положительныя достоинства: она у него благовоспитаннѣе, нежели у Сумарокова; есть въ ней благородная простота, и притомъ наивность; наконецъ, у Хемницера гораздо больше естественности, нежели у Дмитріева. Съ своей стороны, Дмитріевъ, написавшій 48 басень, далеко выше Хемницера по художеству, по изяществу языка и разнообразію стиха; но всегда замѣтите, что Дмитріевъ чисто-классическій художникъ, что онъ не даетъ еще настоящей цѣны мѣстнымъ условіямъ: читая его, видишь, что это не свое, не родное, а общее достояніе, хотя прекрасное. По мнѣнію критиковъ, Дмитріевъ отличается художественностію описаній. Можетъ быть, въ разсказѣ Крылова, особенно въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, и болѣе прелести, чѣмъ въ описаніяхъ; но за то у самыхъ образцовыхъ баснописцевъ едвали найдемъ такіе легкіе, свободные переходы отъ самаго обыкновеннаго къ важному. Всего замѣчательнѣе то, что Крыловъ никогда не забываетъ, что онъ въ области басни, а не возвышенной поэзіи. Всякое искусство имѣетъ свои опасныя вершины, свои непреодолимыя трудности; устоять на верху искусства въ баснѣ значитъ съумѣть слить забавное съ трагическимъ, и Крыловъ глубоко понялъ, что элементъ возвышенный тогда только можно вводить въ забавный родъ поэзіи, когда грандіозному придашь простоту и когда приблизишь его, нисколько не роняя, до *извѣстной* степени къ предметамъ обыкновеннымъ. Разсказавъ исторію *Двухъ Бочекъ* (1819), изъ которыхъ одна, пустая, несется по мостовой со стукомъ и громомъ; а другая, съ виномъ, ѣхала безъ шуму; Крыловъ первую примѣняетъ къ тѣмъ, которые кричатъ безъ умолку о своихъ дѣлахъ, а другую, полную, къ человѣку истинно дѣльному, но не любящему говорить о себѣ,—и чрезвычайно легко, съ неподражаемою свободою, переходитъ въ тонъ возвышенный:

Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Превосходно объяснилъ Гоголь красоту этихъ стиховъ: »тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка«.

Крыловъ начинаетъ иногда свою басню живописнымъ изображеніемъ грандіозной природы; такъ басня: »*Орелъ и Паукъ*« (1812) начинается у него величественной картиной, открывающейся съ вершинъ грознаго Кавказа:

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся,
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любовался.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли;
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;
А тамъ сердитое Каспійско море,
Какъ ворона крыло, чернѣлося вдали.

Иногда онъ начнетъ представлять картину очень обыкновенную и простую, какъ будто ведетъ васъ по мѣстамъ давно знакомымъ, не обѣщающимъ ничего чрезвычайнаго, а дорогой ведетъ съ вами и разговоръ такой же обыкновенный, и вдругъ, совершенно неожиданно, передъ вами открывается величественное зрѣлище:

Желая свѣтлымъ днемъ вполнѣ полюбоваться,
Орелъ поднебесью леталъ,
И тамъ гуляль,
Гдѣ молніи родятся.

Такъ легко и непринужденно переходитъ Крыловъ отъ простаго къ грандіозному.

Самъ Крыловъ изъ 198 басень призналь своими, оригинальными, 164, а 34 заимствованными, переводными; Лонгиновъ указываетъ на 37; Кеневичъ указалъ еще на 4; но найдется, вѣроятно, и больше.

Чтобы показать, до какой степени вѣренъ приговоръ поэта-критика, Жуковскаго, который первый назвалъ переводныя басни Крылова *оригинальными*, и на какой высотѣ стоитъ Крыловъ въ сравненіи со всѣми предшественниками, не исключая и Дмитріева, довольно сдѣлать сравненіе любой заимствованной басни съ оригиналомъ и подражаніями. И Хемницеръ, и Крыловъ, оба подражали Лафонтену въ баснѣ: »*Стрекоза и Муравей*«; вотъ какъ она разсказана Лафонтеномъ въ дословномъ почти переводѣ:

»Стрекоза, пропѣвши все лѣто, осталась безъ запаса, когда настала зима: ни отъ мухи, ни отъ червяка ни крошки; пошла она къ сосѣду—муравью, и, жалуясь на голодъ, проситъ одолжить нѣсколько зеренъ, чтобы прожить до новой весны.« До августа заплачу, говоритъ она, право, отдамъ и долгъ, и ростъ«.—Муравей не податливъ на ссуду, за нимъ этого грѣха почти не водится.« Что же ты дѣлала въ теплое время? сказалъ онъ заемщицѣ. — День и ночь, признаться, пѣла для всякаго встрѣчнаго.—Ты пѣла—очень радъ, ну, такъ теперь пляши!«

Посмотримъ прежде, какъ переложитъ эту басню Хемницеръ:

Все лѣто Стрекоза въ то только и жила,
Что пѣла;
А какъ зима пришла,
Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла.
И проситъ Муравья: »помилуй, Муравей,
Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей:
Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ быть не знаю....
Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудь ссудить,
Чтобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожить?
А лѣто какъ придетъ, я, право, обѣщаю
Тебѣ все вдвое заплатить.
— Да какъ же цѣлое ты лѣто
Ничѣмъ не запаслась? ей Муравей на это.
»Такъ, виновата въ томъ; да что ужъ, не взыщи:
Я запастися все хотѣла,
Да лѣто цѣлое пропѣла.—
Пропѣла? хорошо! Поди жъ теперь свищи!«

Кажется, можно-ли естественнѣе, проще, наивнѣе передать эту басню по-русски? Но если Крыловъ покажетъ, что не только можно,

а что и вся басня обратится для него не болѣе какъ въ матеріалъ совершенно новаго созданія; тогда онъ поэтъ съ геніальнымъ творчествомъ.

Онъ, во-первыхъ, какъ природный натуралистъ, какъ Бюффонъ, однимъ словомъ знакомитъ читателя съ обоими дѣйствующими лицами; сначала представляетъ ему *Стрекозу*, подвижную, рѣзвую, съ живымъ темпераментомъ и веселымъ характеромъ. Во-вторыхъ, онъ не сказалъ просто *прыгающая*, а *попрыгунья*, нашелъ на Руси такое слово, которое не на всякій языкъ пожалуй и перевести-то можно, и притомъ употребилъ его для того, чтобы придать Стрекозѣ качество нравственное, обозначить непохвальную черту ея характера — легкомысліе, и этимъ самымъ онъ уже приготовляетъ читателя, какъ встрѣтитъ такую просительницу *Муравей*, насѣкомое степенное, работящее.—У насъ, на Руси, не то, что въ теплыхъ краяхъ, лѣто *короткое*, и Крыловъ два раза обозначилъ эту мѣстную особенность: во первыхъ, отъ этой непродолжительности, оно намъ милѣе, и оттого народъ зоветъ его *прекраснымъ*:

Лѣто *красное* пропѣла;

во-вторыхъ, Стрекоза не успѣла даже оглянуться, какъ оно уже пролетѣло и какъ настаетъ зима; Лафонтенъ не сказалъ и не долженъ былъ говорить *оглянуться не успѣла*; тамъ это время года продолжительнѣе, и у него сказано *все лѣто*; тутъ именно надо разумѣть такъ: *во все продолженіе лѣта* ничего не запасала. Крыловъ еще болѣе освѣщаетъ прелесть нашего лѣта, когда, въ противоположность ему, рисуетъ картину зимнихъ полей:

Помертвѣло чисто поле.

Зима у него не *пришла*, какъ у Лафонтена и у Хемницера; она олицетворена въ предметахъ, которые только въ эту пору носятся и мелькаютъ передъ глазами; зиму Крыловъ представилъ въ лицахъ, которыя ѣздятъ по снѣгу, *по-русски*—на саняхъ, и притомъ особенно *по-нашему*,—*быстро*:

Оглянуться не успѣла,
Какъ *зима катитъ въ глаза*.

Отъ холода, ни у Лафонтена, ни у Хемницера, въ Стрекозѣ не видно никакого измѣненія; но у Крылова это—уже не та легкая, веселая Стрекоза; она не въ силахъ ни летать, ни прыгать:

Къ Муравью *ползетъ* она.

Двумя словами: *попрыгунья* и *ползетъ* геніальный поэтъ обозначилъ *начало* и *конецъ* цѣлой драмы въ жизни насѣкомаго.

Не оставь меня, кумъ милый!
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй.

Тутъ и патріархальный, семейный взглядъ русскаго человѣка на міръ крещеный *) и старинный обычай: Стрекоза хочетъ быть не жилицей, а приживалкой у зажиточнаго Муравья. Напротивъ, на западѣ, она не упрашиваетъ пріютить ее на зиму и прокормить, знаетъ,

---

*) Настоящій русскій человѣкъ, обращаясь ко всѣмъ съ родственными названіями, тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ смотритъ на свой народъ, какъ на единую семью, распространившуюся на безчисленное множество членовъ. Это коренное отличіе во взглядѣ на общество Крыловъ подмѣтилъ очень вѣрно, и притомъ, уловилъ и оттѣнки, и выразилъ ихъ въ разнообразныхъ формахъ, въ словахъ родственныхъ и ласкательныхъ:

Смотри-ка, *квакушка*, что, буду-ль я съ него?

спрашиваетъ *Лягушка* подругу;

Нѣтъ, *кумушка*, далеко!

отрицаетъ съ видимымъ смягченіемъ ея пріятельница. Въ исторической баснѣ, *Курица* добродушно предостерегаетъ *Ворону*:

А ты, что-жъ, *кумушка*, въ дорогу?
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.

Ворона остается, да еще надѣется поживиться чѣмъ нибудь, а между тѣмъ прощается съ *Курицей* и ласково, и дружелюбно, какъ будто она родня ей или задушевная пріятельница:

Прощай, *хохлаточка*, счастливый путь!

что тамъ этого не водится; а только просить въ займы, обѣщая возвратить и *капиталъ*, и *проценты*.—Нельзя не замѣтить, что Крыловъ гораздо глубже вошелъ въ натуру насѣкомаго и психически вѣрно изобразилъ врожденное легкомысліе Стрекозы: въ виду холодной и голодной смерти, она не раскаевается, не обѣщаетъ измѣнить образъ жизни и трудиться; напротивъ, въ бѣдѣ и горѣ, или, какъ говоритъ Крыловъ,

Злой тоской удручена,

она еще подъ обаяніемъ наслажденій, не можетъ оторваться отъ нихъ:

До того-ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ, что голову вскружило!
. . . . . Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла.

На основаніи этого полнаго обаянія, читатель въ правѣ думать, что въ словахъ:

И до вешнихъ *только* дней
Прокорми и обогрѣй

сказалась затаенная и отдаленная мечта неисправимой Стрекозы: какъ придутъ, думаетъ она, ясные, радостные весенніе дни, такъ я у тебя и сама лишняго часа не останусь, а упорхну изъ твоей скучной трущобы, куда влечетъ сердце... на луга и на цвѣты. У Лафонтена нѣтъ этого многозначительнаго *только*, нѣтъ и мѣста подобному предположенію, а сказано просто: *до новой весны*; тамъ Стрекоза, точно такъ, какъ и у Хемницера, чувствуетъ свою вину и хочетъ извинить себя въ глазахъ Муравья. Какъ она даетъ слово отдать долгъ, способъ ея увѣренія, въ высшей степени характеристично выдается у Лафонтена. Хемницеру и въ голову не приходила счастливая мысль противъ займа съ процентами поставить народный обычай, какъ это сдѣлалъ геніальный Крыловъ; Хемницеръ совершенно подчиняется оригиналу, и только одно у него въ русскомъ духѣ, божба заемщицы:

Право, обѣщаю
Тебѣ все вдвое заплатить.

У Лафонтена, напротивъ, насѣкомое говоритъ совершенно не въ нашемъ духѣ: *foi d'animal!*

У французскаго писателя, и въ *Стрекозѣ признаніе личности;* тамъ, у западнаго человѣка, *и Стрекоза не только сознаетъ, но и заявляетъ свою личность!*

И такъ, въ этой, повидимому, переводной баснѣ, Крыловъ ясно обнаружилъ:

1. совершенно свободное творчество,
2. характеристическія черты страны и народа, съ семейнымъ взглядомъ на *свой* міръ крещеный, съ любовью къ природѣ и съ патріархальными обычаями *).

Не только искренніе почитатели, но и друзья самые близкіе, благоговѣвшіе передъ Крыловымъ, упрекали его въ бездѣйствіи и лѣни **. Но откуда же въ немъ такое глубокое знаніе русской природы и

---

*) Послѣ этого подробнаго разбора, невольно ожидаешь вопроса: неужели обо всемъ этомъ думалъ Крыловъ, когда перелагалъ, или, говоря вѣрнѣе, создавалъ эту басню? Неужели онъ соображалъ всѣ эти различія и подробности? И мы увѣрены, что поэтъ не отдавалъ себѣ такого отчета, даже не могъ; иначе онъ впалъ-бы въ раздвоеніе, нарушилъ-бы цѣлость и полноту творческаго акта. Только въ этомъ смыслѣ можно принимать положеніе, идущее отъ Платона: *геній творитъ безсознательно.* Здѣсь считаемъ не излишнимъ указать на замѣчательное мѣсто изъ »Matinées Littéraires« par Edouard Mennechet:

»Художникъ Давидъ, окончивъ первую свою картину, просилъ Дидеро, слышаго за великаго знатока, посѣтить его. Пришедшій академикъ тотчасъ началъ объяснять всѣ красоты, которыя онъ открывалъ въ произведеніи молодаго живописца: Дидеро истощаетъ всѣ силы ума и знанія, открывая глубокія соображенія, смѣлыя сочетанія въ созданіи картины, въ рисункѣ ея и колоритѣ. Художникъ, смущенный незаслуженными похвалами, чистосердечно признается, что онъ, рисуя картину, вовсе не думалъ о тѣхъ особенностяхъ, которымъ удивлялся критикъ. »Какъ, вскричалъ Дидеро, вы это сдѣлали, даже не думая о томъ; вы это нашли, не искавши? Молодый человѣкъ! Это уже не талантъ, а геній!«

**) Это заключеніе не было читано на актѣ, а было произнесено авторомъ въ тотъ же день, въ залѣ благороднаго собранія, на другомъ торжествѣ въ честь юбиляра.

русскаго народа? Даромъ оно не дается никакому генію. Съ ранняго дѣтства до постояннаго водворенія въ Петербургѣ, Крыловъ, можно сказать, искрестилъ всю безпредѣльную нашу родину: Москва, Оренбургъ, Тверь, Петербургъ, Рига, Саратовъ, югозападная Русь, и снова обѣ столицы! Съ другой стороны, кому изъ поэтовъ нашихъ открыто было такое безпредѣльное поле для наблюденія? Державинъ говаривалъ: »природу наблюдалъ я у себя, а человѣка узналъ въ Эрмитажѣ«; Крыловъ можетъ сказать, что онъ видѣлъ людей отъ самой низшей сферы — отъ уѣзднаго захолустья — до великолѣпнаго двора. Прежде онъ встрѣчался съ человѣкомъ безъ всякихъ личинъ, и всѣ его темныя стороны были передъ нимъ обнажены; тѣмъ легче было ему послѣ узнавать старыхъ знакомыхъ—пороки и видѣть ихъ сквозь всѣ покровы и всяческія прикрасы. Все это отразилось въ его басняхъ, только иначе, обратно: сначала вы входите въ это многочисленное и разнообразное собраніе, какъ въ маскарадъ: кто наряженъ звѣремъ, кто птицей, кто представляетъ собой растеніе; потомъ маски снимаются, и вы видите своихъ знакомыхъ, или людей, которые встрѣчались съ вами. До сихъ поръ у насъ нѣтъ ни одного національнаго поэта, доступнаго не говорю уже всему народу, а хоть бы только большинству русскихъ людей. Одинъ Крыловъ понятенъ всякому, кто только умѣетъ читать, и даже каждому безграмотному слушателю; потому что въ его книгѣ представители всѣхъ сословій встрѣтятъ своихъ земляковъ, узнаютъ ихъ по внѣшнему виду, по образу мыслей и дѣйствій, по характеру и привычкамъ, по движеніямъ, и все это выражено въ образахъ и въ языкѣ: ибо въ языкѣ Крылова весь русскій человѣкъ съ его взглядомъ на природу, на жизнь, на себя и на другихъ. Царь и пастухъ, богачъ и нищій, царедворецъ и бездомный скиталецъ, полководецъ и простой воинъ, ученый и художникъ, купецъ и ремесленникъ, горожанинъ и поселянинъ, старый и малый, каждый, лично для себя, въ свободныя и тяжелыя минуты жизни, имѣетъ уголокъ въ оживленномъ мірѣ Крылова. А во дворцахъ и въ домахъ вельможъ Иванъ Андреевичъ для дѣтей замѣнялъ русскій народъ и языкъ этого народа; цѣлому полчищу иностранцевъ-воспитателей Крыловъ съ полнымъ правомъ могъ сказать: я одинъ шелъ противъ васъ, отстаивая русскихъ дѣтей и спасая ихъ отъ вашего противонароднаго вліянія: мое имя—легіонъ! Вотъ почему кн. Вяземскій, какъ поэтъ, счастливо и вѣрно примѣнилъ Крылова къ великому гражданину Минину, который былъ *выборный*

человѣкъ отъ всея русскія земли. Да, мм. гг., когда милліоны русскихъ людей, которыхъ *Богохранимый Освободитель* поставилъ на широкій путь разумной свободы, обратятъ свои умы отъ нуждъ житейскихъ къ высокимъ потребностямъ духа, почувствуютъ жажду знанія; когда всѣ эти милліоны будутъ читать безсмертныя творенія Крылова, и увидятъ, что онъ *и ихъ* согрѣвалъ на своемъ отеческомъ лонѣ, *и за нихъ* воевалъ противъ неправды: тогда и они тоже скажутъ о Крыловѣ: *»выборный грамотный человѣкъ всей Россіи«.*

Забавой онъ людей исправилъ,
Сметая съ нихъ пороковъ пыль;
Онъ баснями себя прославилъ,
И слава эта—наша быль.
И не забудутъ этой были,
Пока по-русски говорятъ;
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердятъ.

Журнальная дѣятельность И. А. Крылова.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ доцентомъ А. И. Линниченкомъ.

Мм. гг.!

Славное имя безсмертнаго русскаго баснописца И. А. Крылова, признательная память къ которому собрала насъ на это общерусское торжество, въ исторической послѣдовательности чисто русскаго прогресса стоитъ рядомъ съ дорогими сердцу каждаго русскаго именами Ломоносова и Карамзина. Этого мало: извѣстность имени Крылова и вліяніе его—даже шире. Въ теченіи почти 70-ти лѣтъ оно слишкомъ хорошо знакомо всѣмъ русскимъ, отъ стараго до малаго, высоко образованному государственному мужу и едва грамотному, даже неграмотному простолюдину. И кто изъ насъ, мм. гг., еще едва умѣя разбирать русскую грамоту, едва даже умѣя лепетать, не слушалъ съ непритворнымъ дѣтскимъ восторгомъ дѣдушки Крылова, не воспринималъ въ себя его правдивыхъ уроковъ практической житейской мудрости, облеченныхъ въ живые образы, осязательно понятные самому юному уму! Слишкомъ 20-лѣтній педагогическій опытъ убѣдилъ насъ до неопровержимости въ могучемъ вліяніи поэзіи басень Крылова на юныя души, на пониманіе и развитіе дѣтей.

Но въ то время, когда характеръ и значеніе Крылова, какъ геніальнаго русскаго баснописца, такъ общеизвѣстны, дѣятельность его журнальная извѣстна мало и немногимъ. Объ ней обыкновенно или умалчиваютъ, или говорятъ вскользь, мимоходомъ. Между тѣмъ извѣстный нашъ критикъ Плетневъ, въ истинномъ и прямомъ, откровенномъ сужденіи объ Крыловѣ говоритъ: журнальныхъ статей, »этихъ писемъ Крылова, помѣщавшихся въ издаваемыхъ имъ журналахъ, нельзя читать

безъ удивленія, когда сравнишь съ ними сочиненія прочихъ писателей нашихъ въ прозѣ, относящіяся къ одному съ ними времени, и когда подумаешь, что ихъ писалъ 20-лѣтній молодой человѣкъ, выросшій въ провинціи, не получившій ни воспитанія, ни даже обыкновенныхъ знаній. Разнообразіе предметовъ, до которыхъ онъ касается, выборъ точекъ зрѣнія, гдѣ становится какъ живописецъ, изумительная смѣлость, и въ тоже время характеристическая, никогда не покидавшая его иронія, рѣзкая, глубокая, умная и вѣрная—все и теперь еще, по истеченіи слишкомъ полустолѣтія, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что предъ вами группы, постановка, краски и выразительность геніальнаго сатирика«.

Удостоенный Совѣтомъ Императорскаго Университета Св. Владиміра высокой чести—почтить дорогую память славнаго русскаго человѣка въ день столѣтней его годовщины, моимъ слабымъ словомъ, я позволю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе, мм. гг., на этой первоначальной журнальной дѣятельности И. А. Крылова.

Крыловъ началъ свое литературное поприще оперой »Кофейница« и трагедіею »Филомела«,—подражаніями ложно-классическому направленію, которое въ то время было въ большой модѣ. Но уже въ 1789 году онъ обращается къ сатирѣ, и здѣсь, можно сказать, сразу высказываетъ настоящій свой талантъ. Въ 1789 г. онъ издаетъ вмѣстѣ съ Рахмановымъ журналъ—»*Почта духовъ*«. Названіе это дано въ подражаніе *Адской почтѣ*—журналу, который издавалъ Эминъ, и вслѣдствіе того литературнаго обычая, по которому считалось удобнѣйшимъ всякую сатирическую работу передавать какимъ-нибудь духамъ: духамъ легче, чѣмъ человѣку, всюду проникнуть, все видѣть, вездѣ поспѣть, принять какой угодно видъ. Сатирическія картины пороковъ, слабостей и рѣзко-смѣшныхъ сторонъ современнаго общества, поражаемыхъ ѣдкимъ смѣхомъ и сарказмомъ, помѣщены въ Почтѣ духовъ въ формѣ переписки волшебника Маликульмулька съ гномами: Зоромъ, Буристономъ, Вѣстодавою... Въ 1792 году является первое періодическое изданіе Крылова »*Зритель*«, въ которомъ самъ поэтъ рисуетъ современное общество, въ юмористической повѣсти *Каибъ*, въ *Похвальной рѣчи въ память моему дѣдушкѣ*, въ *Мысляхъ философа* по модѣ, или способѣ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума, въ *Похвальной рѣчи наукѣ убивать время*, въ *Похвальной рѣчи Ермолафиду* и др. Въ 1793 г. онъ издаетъ—въ томъ же духѣ и направленіи—журналъ *С.-петербургскій Меркурій*«.

Очень долго съ догматическою самоувѣренностію повторяли у насъ, да еще и теперь едвали не повторяютъ ту общеизвѣстную мысль, что И. А. Крыловъ до 38 года своей жизни (до 1806 г.) не понималъ настоящаго своего призванія, переходя отъ комедіи къ трагедіи, отъ оперы къ сатирѣ, бросаясь то къ театру, то къ журналистикѣ. Лишь послѣ перевода двухъ басень изъ Лафонтена »Дубъ и трость« и »Разборчивая невѣста«, когда Дмитріевъ посовѣтовалъ переводчику не покидать этого рода поэзіи и раскрылъ такъ-сказать глаза на его собственное призваніе, онъ вступилъ на прямую истинную дорогу, которая привела его къ безсмертію. Мнѣніе едвали вѣрное. Характеръ сатиры, какимъ отличаются басни Крылова, ясно обозначился уже въ первыхъ его сочиненіяхъ. Въ перепискѣ волшебника Маликульмулька съ гномами Зоромъ, Буристономъ и др. дѣло идетъ между прочимъ о страшной суматохѣ, которую, въ царствѣ Плугона, произвела увлекшаяся французскими модами жена его Прозерпина. Вся аллегорія этой сатиры, гдѣ духи или миѳологическія существа принимаютъ живое участіе въ дѣлахъ людей или раздѣляютъ ихъ пороки, очень напоминаетъ басню. Вмѣсто сходства, какое находимъ въ баснѣ между людьми и животными, здѣсь началомъ ироніи служитъ противоположность между міромъ духовъ и человѣческимъ. Въ Почтѣ духовъ аллегорія принимаетъ иногда и совершенно символическій характеръ басни. Такъ въ магазинѣ разговариваютъ между собою англійская шляпка, французскій токъ, покоевый (спальный) чепчикъ и блондовая косынка. Каждый изъ нарядовъ хвастаетъ своимъ преимуществомъ. (II. д. пис. VI). Такимъ образомъ этотъ отрывокъ, по своей формѣ, прямо принадлежитъ уже къ разряду басень. Повѣсть Каибъ, помѣщенная въ Зрителѣ, представляетъ также аллегорію, въ которой современная истина скрыта подъ покровомъ разсказа о какомъ-то старинномъ восточномъ калифѣ. Въ этотъ разсказъ Крыловъ вводитъ уже и настоящую басенку о томъ, какъ славный живописецъ нарисовалъ Венеру. Всѣ любовались картиною, а полотно, на которомъ такъ мастерски была нарисована богиня красоты, вообразивъ себя причиною общаго восторга, вздумало хвастаться и чваниться. Во всемъ этомъ нельзя не узнать того сатирико-дидактическаго содержанія, которое впослѣдствіи въ басняхъ расширило только свою область и облечено въ художественную форму.

Поставивъ себѣ задачею — изобразить удаленіе общества отъ природы и разладъ дѣйствительности съ идеаломъ, сатирическій поэтъ и

самъ вдохновляется живымъ представленіемъ того идеала, печальное или смѣшное отпаденіе отъ котораго представляетъ общество, и насъ сатирическими своими картинами настраиваетъ къ тѣмъ же идеаламъ. Такая сатира можетъ раждаться только »въ душѣ возвышенной« или »въ сердцѣ прекрасномъ«. Истинный сатирикъ вдохновляется не мелочными эгоистическими обидами и оскорбленіями, не побужденіями корыстной зависти или личной вражды; нѣтъ. Его вдохновляетъ высокое чувство горячей любви къ добру и красотѣ, къ благу горячо любимой родины, къ счастію отечества и человѣчества. Яркія картины нравственной порчи общества выливаются изъ души, глубоко потрясенной тиною и мелочами опутавшей общество жизни, изъ прекраснаго сердца, много и долго болѣвшаго при видѣ попранія людьми ихъ человѣческаго достоинства, глубокаго отпаденія ихъ отъ своего долга, отъ своего нравственнаго назначенія, отъ идеала. Справедливо сказалъ Гоголь, что сатирическій поэтъ только съ виду кажется больше всѣхъ смѣется, а на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ души, онъ больше всѣхъ плачетъ. Да, мм. гг., истинный сатирикъ такой же жаркій патріотъ, какъ и самый возвышенный лирическій поэтъ. Таковъ И. А. Крыловъ; такимъ является онъ предъ нами уже въ первыхъ еще юношескихъ, но уже ярко обнаруживающихъ высокій талантъ, сатирическихъ произведеніяхъ, которыми наполнялись издаваемые имъ журналы. Главная цѣль изданія этихъ журналовъ было патріотическое содѣйствіе къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, доблестей, воспитанія, языка, который и въ то время въ высшемъ кругу нашего общества вытѣсняемъ былъ, къ стыду нашему, языкомъ французскимъ.

Въ одномъ мѣстѣ поэтъ жалуется, что сатира столько же дѣйствуетъ на злыхъ людей, сколько на лѣниваго осла брань и понуканья хозяина. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что онъ склонялся на сторону тѣхъ, которые требовали въ сатирѣ прямаго указанія на лица. Самыя названія выведенныхъ имъ типовъ (Звенигородъ, Приприжкинъ, Безстыда, Неотказа и т. п.) уже показываютъ, что Крыловъ имѣлъ въ виду пороки общества во всей его массѣ, не затрогивая ничьей личности. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже прямо указываетъ на этотъ характеръ своей сатиры. »Сатира есть камень, которымъ бросаютъ въ кучу безумныхъ; а вы знаете, что бросая камень въ многолюдную толпу дураковъ, нельзя остеречься, чтобы въ кого не попасть«... Камень дѣйствительно попадалъ въ цѣль, потому что слишкомъ густа толпа безумныхъ«.

И предметы первоначальной сатиры Крылова во многихъ отношеніяхъ тѣ же, какіе находимъ въ его басняхъ. Такъ онъ очень ядовито шутитъ надъ одописцами и одами. Въ повѣсти Каибъ какой-то стихотворецъ разсказываетъ, что онъ написалъ оду визирю, въ надеждѣ получить за нее награду; но къ сожалѣнію этотъ визирь вскорѣ былъ повѣшенъ. Это не смутило одописца. Онъ представилъ свое твореніе непріятелю повѣшеннаго визиря, хотя въ немъ не было ни ума, ни добродѣтели, и хотя за оды платили хуже, нежели за битыя стекла— и ода пришлась какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу» (стр. 220). Подобныя же насмѣшки встрѣчаемъ у Крылова и надъ идиліями. Каибъ, начитавшись эклогъ и идиллій, такъ заманчиво рисующихъ невинныхъ, счастливыхъ и беззаботныхъ пастуховъ и пастушекъ золотаго вѣка, захотѣлъ самъ удостовѣриться въ ихъ завидномъ счастіи, искалъ счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ... И дѣйствительно увидѣлъ на берегу рѣчки запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, заметанное грязью, босоногое, такъ что калифъ усумнился было: человѣкъ-ли это. Счастливый пастухъ размачивалъ въ ручейкѣ черствую корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать. Калифъ, узнавъ, что это тотъ именно пастухъ, котораго онъ искалъ и который долженъ былъ, наслаждаясь дарами золотаго вѣка, прекрасно играть на свирѣли, но вмѣсто того глодалъ черствую корку хлѣба, желалъ узнать, по крайней мѣрѣ, гдѣ его пастушка? »Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицею, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться и не замерзнуть зимою«, отвѣчалъ пастухъ.

Правда, въ періодъ журнальной дѣятельности воображеніе Крылова не создало еще ни слоновъ, ни орловъ. Тѣмъ не менѣе поэтъ выводитъ на сцену и клеймитъ насмѣшкою тѣ же типы, какіе потомъ выведены имъ въ басняхъ подъ этими титлами. Въ лицѣ Каиба и Плутона онъ осмѣиваетъ людей, облеченныхъ грубою властію силы, тѣхъ »боговъ тунеядцевъ, которые не заслуживаютъ и фунта телятины, а пользуются такими жертвами, что могутъ жить богаче всякаго«, между тѣмъ какъ они дѣлаютъ народу болѣе зла, чѣмъ добра. Нашъ хозяинъ самъ, продолжаетъ поэтъ, не болѣе какъ шутъ на Олимпѣ, а за свое ремесло получаетъ болѣе дохода нежели всѣ академіи вмѣстѣ«. Каибъ однако былъ очень остроуменъ и расчетистъ: »обыкновенно одного мудреца сажалъ, въ своемъ диванѣ, между десяти дураковъ и часто

говаривалъ, что, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько же нужны, какъ и умные люди. Онъ никогда не совѣтовался съ книгами, потому что онѣ по большей части писаны не Калифами«. Созывая диванъ для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ, »ибо Каибъ ничего не начиналъ безъ согласія своего дивана, онъ для избѣжанія споровъ, потому что былъ миролюбивъ, начиналъ свои рѣчи такъ: »Господа! я хочу того-то; кто имѣетъ на это возраженіе, тотъ можетъ свободно его объявить: въ тужъ минуту получитъ онъ 500 ударовъ волосьею жилою по пятамъ, а послѣ мы разсмотримъ его голосъ«. Не слышится-ли въ этомъ ѣдкомъ разсказѣ и басня Соловей и Кошка, съ ея заключительнымъ стихомъ: »плохія пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки«, и Левъ на ловлѣ и проч., выраженныя съ неменьшею рельефностію и силою!... Поэтому когда Каибъ, наскучивъ властію, вздумалъ отправиться путешествовать инкогнито (невидимкою) и спросилъ объ этомъ мнѣнія визирей, то одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: »Великій обладатель океана, самовластный повелитель извѣстныхъ земель и пр.! Для такой мелкой словесной твари, какъ я, велико уже и то снисхожденіе, что ты попускаешь ей думать... Но солнце можетъ-ли отъ земли заимствовать свѣтъ? Нѣтъ, великій обладатель правовѣрныхъ! Подобно и я не рожденъ ни думать, ни говорить предъ тобою, ниже знать, что ты думаешь«! Палаты Каиба отличались необычайною роскошью; власти его нѣтъ предѣла; все предъ нимъ раболѣпствуетъ. Не смотря на все, онъ все болѣе скучаетъ.. Смыслъ повѣсти ясенъ: ни пышность, ни богатство, ни униженіе подобныхъ себѣ людей не даютъ человѣку отрады.

Въ противоположность строгому Каибу Плутонъ довольно добрый воевода; къ несчастію состоитъ подъ башмакомъ у жены своей Прозерпины. А она увлеклась до помѣшательства французскими модами, французскими обычаями. И въ угоду дорогой супруги подземный владыка согласенъ отдать весь адъ во власть танцмейстера Фурбинія. »Что же можетъ болѣе льстить владѣтелю, какъ не то, чтобъ заставить весь народъ почитать умною такую тварь, въ которой нѣтъ и золотника мозгу, а плутомъ человѣка, посвятившаго себя добродѣтели... Калигула сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ—и всѣ Римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе«.

Съ большимъ искусствомъ Крыловъ описываетъ пріемную знатнаго барина, гдѣ всякое утро бываетъ поклоненіе »глухому и слѣпому идолу,

гдѣ нѣтъ ни одного лица, которое говорило бы то, что думало, не выключая и самого этого божества, гдѣ, какъ въ аукціонной палатѣ, продаются съ молотка публичныя достоинства«. Должность секретаря, по представленію Крылова, такова, что, получая 450 руб. годоваго жалованья, онъ можетъ проживать ежегодно по 12,000 руб.! Гномъ Буристонъ долго искалъ по свѣту честнаго, добродѣтельнаго судью, наконецъ встрѣтилъ такого, который принялъ сторону небогатой вдовы въ тяжбѣ ея съ богачомъ. Но Буристонъ все-таки усумнился въ его честности, тайкомъ закрался въ его кабинетъ и прочиталъ его письмо къ сыну. Честный судья такія правила внушалъ сыну. »Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ, говоришь ты. Какой вздоръ! Да я, братъ, и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ, за то нынѣ и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, другъ мой, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится.... Будто велика бѣда въ праздникъ сходить на поклонъ! Къ обѣдни, другъ мой, успѣешь сходить и отъ начальника, а если и некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ... Богъ, по своей благости, проститъ, когда покаешься; а бояре, вѣдь, и покаянія не принимаютъ... Лучше было-бы, еслибы прогулялъ, не бывши въ приказѣ сто дней, нежели пропустить 6 воскресеньевъ, не постоявъ въ передней у своего покровителя«. »Всѣ мы собаки, Лентулушка, и всѣхъ насъ можно бить палками«. Этотъ судья, вѣрный своимъ правиламъ, рѣшаетъ дѣло въ пользу вдовы, потому что она сестра ключницы того начальника, у котораго служитъ его сынъ. Да и въ адъ къ Плутону большая часть судей приходитъ въ богатыхъ кафтанахъ, а тѣни челобитчиковъ *нагія*.... Кто изъ васъ, мм. гг., не узнаетъ въ этихъ типахъ такъ всѣмъ извѣстныхъ басенныхъ героевъ: болонки Жужу, попавшей въ милость за искусное хожденіе на заднихъ лапкахъ, судьи—лисы съ пушкомъ на рыльцѣ и т. п.

Но съ особенною силою, согласно съ обстоятельствами, а еще болѣе съ духомъ времени, устремляетъ Крыловъ свою сатиру противъ безумной роскоши и мотовства, сильно развившихся подъ вліяніемъ моды. Тогда за связку соломы, по выраженію его, платили по 400 и по 500 руб. Прихрижкинъ сдираетъ съ 400 душъ своихъ крестьянъ до 80,000 руб. для однихъ свадебныхъ нарядовъ. Раззоренные крестьяне идутъ въ города вымещать свою потерю на ремесленникахъ; ремесленники вымещаютъ свое на купцахъ, а купцы на господахъ. »Города терпятъ недостатокъ, деревни—голодъ, граждане—дороговизну,

а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпно свадьбу. Французы научили даже, какъ самихъ нашихъ крестьянъ превращать въ модные товары. Модные люди, запрягая табунъ лошадей, заставили себя возить въ ящикахъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ, засыпали головы свои мукой — и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перещеголяли всѣхъ европейцевъ. Но осмѣивая рабское подраженіе модамъ и мотовство, Крыловъ ярко и ѣдко выставляетъ и разные обманы и плутни французскихъ модистокъ, устраивавшихъ тайныя свиданія въ своихъ лавкахъ, дармоѣдство французовъ-воспитателей, невѣждъ, незнавшихъ даже грамотѣ и т. п., и съ точностію высчитываетъ всѣ ущербы, наносимые нашему хозяйству модами. Касается нашъ поэтъ и многихъ другихъ сторонъ общественной порчи: женщина большаго свѣта въ тотъ вѣкъ, по словамъ его, сравнена была съ голландскимъ сыромъ, который тогда только и хорошъ, когда попорченъ«.

Но наибольшаго совершенства сатира Крылова достигаетъ въ »Похвальной рѣчи въ память дѣдушкѣ« (Зритель 1792). Она клеймитъ позоромъ тѣхъ праздныхъ дворянъ, которые, немало не заботясь о пользѣ своихъ крестьянъ, проводили время въ однихъ грубыхъ забавахъ. »Дѣдушка, говоритъ Крыловъ, гоняясь за зайцемъ, свалился въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по братски«. Но не одною любовью къ охотѣ прославился онъ, а и тѣмъ, что умѣлъ въ недѣлю прожить то, что 2000 подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ *годъ*! и успѣвалъ эти 2000 пересѣчь въ годъ раза два, три съ пользою... Подѣзжая къ нему въ деревню и видя всѣхъ крестьянъ блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся бывало сами умереть за его столомъ голодною смертію,.. но, какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство и изобиліе. Я не стану распространяться о понятіяхъ, взглядѣ на вещи и правилахъ жизни, какіе имѣлъ выведенный въ сатирѣ Крылова дѣдушка и какія проповѣдывалъ онъ своему сынку. Довольно сказать, что онъ стыдится той философіи, которая твердитъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, и согласенъ лучше признать своимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго происхожденія съ слугами. Крестьяне для него »ниже его дворовыхъ животныхъ«. Когда собачонка Задорка ущипнула его сынка, примѣрный родитель пожурилъ сынка: Другъ мой! развѣ мало около тебя холопей, кого тебѣ щипать? Собака, не слуга? съ нею надобно осторожнѣе обхо-

диться, если не хочешь быть укушенъ«. Неудивительно, если при такихъ наставленіяхъ сынокъ »еще ребенкомъ царапалъ глаза и кусалъ уши своей кормилицѣ. За то выросши онъ часто подъ вечерокъ, изъ толпы игроковъ, возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Но онъ былъ не злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ. »Все суета суетъ! заключалъ онъ обыкновенно и, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ«. Въ »три года обрилъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти«, а крестьяне пошли по-міру«.

Приведенная сатира, совсѣмъ почти не имѣя басенной формы, по своей тонкой иронiи близка уже къ лучшимъ баснямъ Крылова.

Кажется, мм. гг., достаточно ясно показали мы, что начало того направленія, которое съ такою художественностію развито И. А. Крыловымъ въ басняхъ, заключается въ его сатирахъ, наполнявшихъ издаваемые имъ журналы, нѣкоторыя представляютъ даже первые опыты басни. Самая сатира его съ годами становится опредѣленнѣе и остроумнѣе, хотя дидактическій тонъ остается господствующимъ. Наконецъ и самый языкъ Крылова запечатлѣнъ такою простотою и легкостію, какой почти не встрѣчаемъ въ то время. Въ этомъ отношеніи онъ предшественникъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина.

Если безспорно признано давно всею Россіею высокое значеніе, и общественное, и художественное, басень безсмертнаго Крылова, то и журнальная сатирическая дѣятельность его заслуживаетъ нашего глубокаго уваженія. И она, эта яркая, хотя подъ-часъ и ѣдкая картина общественныхъ недуговъ, какъ и басни, свидѣтельствуетъ о геніальности своего творца, о глубокой любви его къ Россіи, о горячемъ его патріотизмѣ. Да, мм. гг., И. А. былъ истинный сынъ Россіи, глубокій патріотъ, для котораго счастіе и слава отечества были дороже собственнаго счастія. Другъ Жуковскаго и Карамзина, могъ-ли онъ не быть истиннымъ другомъ Россіи?... Изъ этой-то любви къ Россіи, изъ прекраснаго любящаго сердца излились эти яркія картины современныхъ недостатковъ роднаго общества, въ которыхъ съ возвышенно благородною цѣлію содѣйствія къ утвержденію въ Россіи отечественныхъ нравовъ, добродѣтелей, воспитанія, языка, заклеймены они тѣмъ смѣхомъ, который, по словамъ Гоголя, достоинъ стать на ряду съ высокимъ лирическимъ паренiемъ.

Мм. гг.! И. А. Крыловъ жилъ въ такія времена, хотя и недалекія отъ насъ, когда правдолюбивому поэту, честному гражданину надо было облекать святую правду дѣйствительности въ аллегорическіе покровы сатиры и басни, чтобъ не раздразнить гусей. Времена тѣ прошли безвозвратно; но миновали-ли тѣ нравы и обычаи, тѣ недостатки и слабости, которые, возмущая до слезъ душу безсмертнаго Крылова, диктовали ему художественные картины сатиръ и басень? Какъ счастлива была-бы Россія, еслибъ никто изъ живыхъ сыновъ ея не находилъ себя ни въ сатирахъ, ни въ басняхъ Крылова, еслибъ ни для кого не служили они зеркаломъ и имѣли-бы уже не значеніе живой, художественной картины того, что̀ насъ окружаетъ, а значеніе лишь историческое, геніальныхъ сатиръ на отжившіе пороки! Съ какою радостію примчался-бы тогда духъ безсмертнаго Крылова въ нашу среду на торжественное празднованіе своей столѣтней годовщины!!

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ БАСЕНЬ КРЫЛОВА.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ профессоромъ С. С. Гогоцкимъ.

Послѣ того, что̀ высказано моими почтенными товарищами въ память Крылова, какъ дѣятеля русскаго слова и русской народной мысли, я желалъ-бы, мм. гг., еще обратить ваше благосклонное вниманіе на одну сторону въ значеніи его, какъ знаменитаго баснописца, на то значеніе, какое басни Крылова имѣютъ въ области педагогіи и въ самой практикѣ нашего образованія. Но, выступая съ краткимъ словомъ въ память нашего знаменитаго баснописца, мы слишкомъ далеки отъ притязаній — возвысить его значеніе указаніемъ на какія-нибудь новыя, еще несознанныя его достоинства. Мы сочли-бы себя счастливыми, еслибы могли по крайней мѣрѣ оживотворить то уваженіе къ памяти Крылова, которое каждый изъ насъ носитъ уже въ себѣ отъ первыхъ дней ученія въ области школы и семейства.

Но быть можетъ, басня и высшее образованіе, басня и храмъ науки такъ далеки между собою, что безъ нѣкоторой искусственности, невозможно и сближеніе между ними. Быть можетъ, отвлеченное слово науки и правило жизни такъ несродны той наивной игрѣ воображенія и простотѣ сердца, которыя выражаются въ легкихъ твореніяхъ баснописца, что между двумя этими формами умственной и нравственной жизни нѣтъ ничего общаго, какъ между двумя отдаленными другъ отъ друга полюсами. Такъ, быть можетъ, представляется на первый, непосредственный взглядъ; но не такъ на дѣлѣ: и пальмовое сѣмя мало предъ пальмою, и съ виду ничего не имѣетъ съ нею сходнаго; но изъ сѣмени только и вырастаетъ величественная пальма.

Что же связуетъ басню, какъ низшую и самую простую форму обученія, къ которой обращается въ началѣ наука воспитанія, съ дальнѣйшими и высшими средствами образованія, и что сближаетъ геніальнаго баснописца, какъ наставника младенчества и въ малой семьѣ дома, и въ великой семьѣ народной, съ представителями отвлеченной и многотрудной науки? Непрерывная нить умственнаго и нравственнаго развитія внутренней природы человѣка. Она связуетъ неразрывно оба конца въ сферѣ нашего воспитанія; и не только въ его сферѣ, но и въ цѣлой нашей жизни — оба ея періода, — одинъ періодъ дѣтства и другой — высшей, мужественной зрѣлости. Непрерывность этой нити въ послѣдовательномъ развитіи нашей внутренней жизни придаетъ значеніе и каждому достойному дѣятелю на чредѣ своего образовательнаго служенія и дѣлаетъ его достойнымъ нашей памяти и уваженія. Она-то невольно вызываетъ въ нашей памяти и уважаемое нами имя нашего геніальнаго баснописца, знакомаго и въ хижинѣ бѣднаго селянина и въ палатахъ вельможи, неразлучнаго и съ каждою школою, и съ исторіею образованія каждаго изъ насъ.

Всмотримся глубже во внутреннюю связь двухъ періодовъ нашего развитія, и мы найдемъ ее въ исторіи не только каждаго человѣка, но и цѣлыхъ народовъ. Таковъ законъ жизни и въ самомъ общемъ историческомъ ея развитіи, и въ развитіи каждаго человѣка порознь: прежде предстаетъ нашему изученію природа, а потомъ—духъ; прежде—фактъ, а потомъ—мысль. Оттого, прежде нежели разовьется въ насъ отвлеченное сознаніе теоретическихъ и практическихъ истинъ, мы сознаемъ только то, что дѣйствуетъ на наши чувства. Сознаніе дитяти на первыхъ порахъ даже не имѣетъ еще внутренняго міра представленій; оно, такъ сказать, приковано только къ минутнымъ впечатлѣніямъ окружающаго его міра. Но мало-по-малу зрѣетъ въ немъ сила представленія, и человѣкъ-дитя начинаетъ уже составлять и удерживать представленія вещей, начинаетъ воспринимать и понимать нѣкоторыя истины и правила жизни. Но что и какъ онъ воспринимаетъ? Въ душѣ его удобнѣе напечатлѣвается только то, что сообщено ему въ формѣ представленія, а не въ отвлеченной, логической формѣ мысли, что предстало ему въ формѣ конкретныхъ образовъ, въ которыхъ опредѣленная истина какъ-бы воплотилась и представилась ему наглядно. Въ этомъ-то періодѣ жизни преимущественно имѣетъ мѣсто аллегорія, разсказъ, притча и басня, въ которыхъ мысль какъ-бы нисходитъ съ

своей высоты къ младенческому возрасту и пониманію человѣка. Только послѣ этой дѣятельности представленія начинаетъ постепенно развиваться и дѣятельность отвлеченной мысли, вдумывающейся въ самый смыслъ вещей, неуловимый для слуха и зрѣнія.

Такъ совершается развитіе внутреннихъ силъ въ каждомъ человѣкѣ; такъ совершается оно и въ исторической жизни цѣлыхъ народовъ. Прежде нежели наступитъ для него пора науки и высшей художественной дѣятельности, онъ живетъ и нравственно питается миѳами, разсказами, олицетвореніями, въ которыхъ воплощаются для него уроки практической мудрости предшествовавшихъ поколѣній. Прежде, нежели наступитъ для него пора открытаго слова и открытая борьба представителей его нравственныхъ силъ, въ средѣ его дѣйствуетъ только иносказаніе и полупрозрачное слово практическаго знанія и вразумленія. И въ исторіи цѣлыхъ народовъ бываетъ пора басни и пора науки и величественной драмы. Въ этомъ-то законѣ развитія нашей природы заключается и воспитательное значеніе басни, какъ одного изъ тѣхъ наглядныхъ средствъ педагогіи, въ которыхъ и выражается наша внутренняя жизнь, и вмѣстѣ дается ей орудіе для развитія ея же собственныхъ силъ. Все то, изъ чего слагается наша жизнь, всѣ ея свѣтлыя и печальныя стороны, всѣ немощи и доблести человѣка, всѣ приключенія его жизни могутъ предстать въ живой формѣ басни внутреннему взору дитяти и постепенно возбуждать еще дремлющія силы его ума.

Какъ ни простъ и понятенъ этотъ законъ нашего внутренняго развитія, однакоже долго онъ не былъ отчетливо сознанъ, и на важность простой наглядной формы первыхъ средствъ обученія очень долго не обращали еще систематическаго вниманія. Были цѣлыя столѣтія, а можетъ быть и тысячелѣтія, когда все искусство первоначальнаго образованія ограничивалось только заучиваніемъ слова и непонятныхъ для дитяти отвлеченныхъ правилъ и положеній. Только въ новыя времена, когда дѣло воспитанія составило предметъ заботливости лучшихъ умовъ образованнаго міра, оцѣнили, наконецъ, и естественную необходимость въ дѣтскомъ возрастѣ живыхъ и наглядныхъ средствъ обученія. И если достойны уваженія дѣятели, обратившіе вниманіе на эту естественную потребность въ началѣ обученія; то не менѣе достойны памяти и уваженія въ предѣлахъ педагогіи и творцы образцовыхъ средствъ нагляднаго обученія; а одно изъ такихъ средствъ

первоначальнаго обученія и есть, какъ мы сказали, басня. Въ баснѣ, въ игривой формѣ ея олицетвореній, заимствованныхъ изъ окружающаго насъ міра, дитя находитъ для себя первую умственную пищу, первые поводы къ живой рефлексіи, къ пониманію жизни, въ самой миньятюрной ея формѣ. Посредствомъ басни оно изучаетъ самую первоначальную и простую психологію человѣчества, съ разнообразными ея интересами, и развиваетъ въ себѣ ту гибкость слова и представленія, которая потомъ должна быть послушнымъ органомъ всѣхъ движеній развитой мысли и одушевленнаго чувства. Самое наслажденіе живымъ, художественнымъ возсозданіемъ моментовъ человѣческой жизни въ типахъ избранныхъ баснописцемъ, созерцаніе человѣческаго міра въ подобіи, созданномъ его фантазіею, животворно дѣйствуетъ на всю душевную жизнь дитяти, и производитъ въ ней то общее цѣльное возбужденіе ея силъ, въ которомъ заключается первое условіе всякаго дальнѣйшаго развитія и образованія. Таково, мм. гг., значеніе басни въ области педагогической науки и ея практики. Басня всегда будетъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ первоначальныхъ средствъ для пробужденія внутренней самодѣятельности въ дитяти, для развитія въ немъ и смысла, и дара опредѣленнаго, живаго слова.

Нужно-ли много распространяться о совершенствѣ басень Крылова, о степени ихъ соотвѣтствія идеалу басни, какъ первоначальнаго педагогическаго средства къ образованію способностей дитяти? Но нѣсколько поколѣній уже воспитывалось подъ вліяніемъ басень Крылова, и непосредственное чувство былаго наслажденія, которое доставляла каждому изъ насъ неподражаемая естественность образовъ въ его басняхъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ достоинства въ области первоначальнаго обученія. Природа должна быть подтвержденіемъ научнаго анализа, а природа въ дѣтяхъ еще такъ чиста, что въ этомъ случаѣ, не расходится съ воззрѣніемъ науки; потому что въ чемъ состоитъ педагогическое достоинство басни? Въ томъ же, въ чемъ и достоинство ея художественное, былъ-бы только предметъ ея избранъ наиболѣе доступный возрасту дитяти: здѣсь одно совпадаетъ съ другимъ. Чѣмъ же измѣряется художественное достоинство басни?

Басня, какъ и всякое художественное произведеніе, тѣмъ выше, чѣмъ неразрывнѣе и естественнѣе помыслъ соединенъ съ избранною въ ней образною формою, съ олицетвореннымъ предметомъ, который избирается баснописцемъ изъ окружающаго насъ міра. Чѣмъ задушев-

нѣе высказывается въ нихъ его мысль, и, не нуждаясь въ какихъ-нибудь особенныхъ толкованіяхъ, непосредственно возбуждаетъ въ дѣтской натурѣ соотвѣтственное чувство и настроеніе, тѣмъ выше достоинство басни. По внутренней связи содержанія и образной формы, басня уже несравненно выше, нежели символъ и аллегорія, хотя, подобно имъ, еще не относится къ высшимъ художественнымъ произведеніямъ. Но въ этомъ отношеніи басни Крылова, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ весьма многія, такъ совершенны, что могутъ сравниться съ лучшими въ этомъ родѣ произведеніями всѣхъ временъ и народовъ. и далеко превосходятъ басни даже лучшихъ изъ прежнихъ нашихъ баснописцевъ—Хемницера и Дмитріева. У Хемницера есть простота изложенія, иногда и остроуміе, но зато случается растянутость и нѣкоторая доля разсужденія, понятная не представленію въ самомъ образѣ, но внѣ образа—разсудку; у Дмитріева—преобладаетъ нѣкоторая обработанность какъ въ ходѣ всего дѣйствія въ баснѣ, такъ и въ языкѣ. Въ общемъ выводѣ, помыслъ басни далеко не всегда отливается у нихъ въ такихъ живыхъ оттѣнкахъ образа, которыхъ требовали-бы аналогическіе типы народной душевной жизни. Басни Крылова безспорно выше по своему художественному совершенству; въ нихъ мысль большею частію до мельчайшихъ индивидуальныхъ изгибовъ выражается въ образахъ, и образы ничего не оставляютъ внѣ себя для отвлеченія или для отдѣльнаго пониманія. Типическіе образы въ басняхъ Крылова большею частію какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ и ихъ дѣйствительной натурѣ и народному о нихъ представленію; ихъ положеніе, тонъ, взаимное отношеніе отличаются рѣдкою непринужденностію и, что также очень важно, самая рѣчь отличается у него тѣми живыми оборотами народной рѣчи, въ которыхъ немногими словами, какъ нѣсколькими ударами кисти, каждое дѣйствующее лицо, и каждый моментъ его дѣйствія выражены въ самомъ типическомъ ихъ рельефѣ. Басня, въ сравненіи съ высшими художественными произведеніями, вообще страдаетъ еще нѣкоторою отдѣльностію содержанія отъ конкретной формы; потому что не въ вещахъ, не въ растеніяхъ и животныхъ, но только въ движеніяхъ человѣческаго тѣла и слова можетъ выразиться человѣческая душа; но въ борьбѣ съ этимъ-то препятствіемъ и видѣнъ талантъ Крылова. Во многихъ его басняхъ до такой степени естественны роли выводимыхъ имъ на сцену животныхъ, что читающій, или слушающій живое чтеніе его басень, весь переносится въ этотъ

міръ вымысла и любуется имъ, какъ живою дѣйствительностію. Таковы, напримѣръ, роли въ его басняхъ—медвѣдя, волка, осла, лисицы, обезьяны и т. д.

Художественное достоинство басни зависитъ и отъ того, въ какой связи съ нею поставленъ нравоучительный выводъ, если онъ сдѣланъ. Высшее художественное произведеніе не выражаетъ какой-либо отдѣльной отъ себя цѣли; оно вразумляетъ не выступающими изъ цѣльной его сферы правилами, но самыми образами возсозданной имъ жизни. Между тѣмъ, басня нерѣдко прибавляетъ, въ началѣ или въ концѣ, свою мысль или правило, отдѣльно отъ своего конкретнаго, образнаго содержанія. Въ способѣ этого приложенія или вывода нравоученія заключается пробный камень для таланта баснописца Часто и въ лучшихъ басняхъ выводы отличаются дидактическимъ характеромъ и какою-то, по самому тону, отдѣльностію отъ цѣльнаго ихъ состава; у Крылова же самые выводы, своею непринужденностію и остроуміемъ, не рѣдко даже не даютъ замѣтить, что мы уже вышли изъ художественной сферы басни, а иногда, какъ-бы снова, съ новою силою, сосредоточиваютъ въ себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, весь комизмъ, всю иронію, разлитые въ баснѣ. Что можетъ быть, напримѣръ, непринужденнѣе дидактическихъ заключеній въ басняхъ—о вельможѣ, или о гусяхъ, или о собакахъ, подравшихся изъ-за кости? Лучшимъ доказательствомъ неподражаемой меткости, съ которою индивидуализируется у Крылова общая мысль въ типахъ его басень, можетъ быть, какъ мы сказали, не одинъ научный анализъ, но и то задушевное наслажденіе, которое чувствуютъ и выражаютъ дѣти. Такова, напримѣръ, басня *Квартетъ*, или бесѣда сытой лисы, подъ стогомъ сѣна, съ голоднымъ волкомъ. Нѣкоторыя басни Крылова содержатъ въ себѣ какъ-бы маленькія комедіи, въ которыхъ наглядно, какъ-бы предъ очами дѣтей, совершается комическое самоуничтоженіе людскихъ недостатковъ съ его результатомъ и отзвукомъ въ дѣтскомъ смѣхѣ.

Художественныя достоинства басень Крылова придаютъ имъ важное значеніе и въ педагогическомъ отношеніи. Выше мы уже отчасти коснулись образовательнаго вліянія басни. Какъ образцовыя въ своемъ родѣ произведенія поэзіи, его басни преимущественно полезны по своему образовательному вліянію на дѣтей. Въ его баснѣ, исполненной жизни и драматизма, дитя начинаетъ знакомиться съ человѣческою жизнію, съ ея доблестями и немощами, и развиваетъ въ себѣ живой

смыслъ и живое слово. Но мы не можемъ не коснуться еще двухъ сторонъ въ благотворномъ вліяніи басни, отличающейся такими совершенствами, какъ басня Крылова; одна изъ нихъ теоретическая, другая —практическая.

Изображая въ иносказаніяхъ человѣческій міръ, басня начинаетъ возбуждать въ человѣкѣ ту ему одному только свойственную производительную дѣятельность воображенія, въ которой выражается общее стремленіе человѣка къ непрерывному обновленію и совершенствованію своей дѣйствительности. Въ баснѣ—узелъ, связующій забаву съ серьёзными созданіями мысли и представленія, и потому, самая эта забава представленіями уже заключаетъ въ себѣ глубокій и серьёзный смыслъ. Низшія животныя знаютъ только забаву тѣлодвиженій, но не представленій; одинъ человѣкъ, съ первыхъ дней младенческаго сознанія, начинаетъ любоваться созданіями представленія и гармоніею въ ихъ сочетаніяхъ. Въ этомъ наслажденіи—первый проблескъ будущихъ идеаловъ, непрерывно движущихъ и совершенствующихъ и внутреннюю, и внѣшнюю жизнь человѣка.

Не менѣе важно и практическое или нравственное значеніе образцовой басни. Таково свойство нашей психической жизни, что общее правило или нравственное требованіе, особенно на первыхъ порахъ, скорѣе получаетъ въ насъ дѣятельную силу подъ вліяніемъ мысли, перешедшей въ дѣло, или представленной въ самомъ фактѣ и дѣлѣ. Даже мышцы своего слова дитя складываетъ для разговора не потому, что оно узнаетъ сперва правила, какъ ихъ складывать, но потому, что внутренній инстинктъ слова, съ соотвѣтственнымъ ему движеніемъ мышцъ, самъ собою пробуждается при видѣ бесѣдующихъ съ нимъ людей. Только позднѣе, на степени высшей душевной зрѣлости, и отвлеченно-сознанная мысль удобно переходитъ въ дѣло и преобразуетъ самую жизнь. Басня, какъ и многія другія художественныя произведенія слова, изображая людскіе недостатки въ непосредственномъ единствѣ ихъ съ фактомъ, не ограничивается сообщеніемъ одному отвлеченному знанію, или памятованію правилъ жизни, но непосредственно возбуждаетъ въ дитяти и знаніе правилъ, и соотвѣтственное имъ настроеніе сердца и воли: дитя разомъ научается какъ понимать, такъ и чувствовать и выражать въ своемъ настроеніи и внутреннюю силу добра, и отрицаніе зла. Такъ дѣйствуетъ басня на дѣтей; такъ дѣйствуетъ она и на народъ, близкій по степени умственнаго развитія,

къ дѣтскому возрасту. Въ баснѣ онъ видитъ меткіе образцы своего ума и слова, и, пользуясь ими, незамѣтно совершенствуетъ и свой смыслъ, и свое слово.

Басни Крылова тѣмъ удобопримѣнимѣе къ первоначальному обученію, что содержаніе ихъ всегда просто и доступно пониманію дѣтей. Быть можетъ, оно ограничивается иногда только общими нравственными истинами, не имѣющими близкаго отношенія къ народной жизни; иной разъ его басни не чужды и остатковъ давняго классицизма, каковы напр. миѳологическія названія Юпитера, Плутона, Парнасса; но такихъ, не гармонирующихъ съ назначеніемъ басни особенностей въ басняхъ Крылова мало, и, въ общей сложности, его произведенія въ этомъ родѣ поэзіи навсегда останутся памятникомъ рѣдкаго совершенства.

И вотъ почему преимущественно Крылова басни всегда имѣли, и долго, долго еще будутъ имѣть не только высокое художественное, но и педагогическое значеніе, и долго еще цѣлыя поколѣнія будутъ чтить въ памяти Крылова своего общаго учителя.

И всѣ мы можемъ назвать его нашимъ общимъ учителемъ и наставникомъ; потому что воспоминанія нашего дѣтства, нашего первоначальнаго образованія, неразрывны съ памятію Крылова. То, что выработала его душа, что выработалъ его мысль, стало общимъ нашимъ достояніемъ, — и, соединяя съ памятію о Крыловѣ, какъ знаменитомъ дѣятелѣ русскаго слова, памятованіе о немъ, какъ наставникѣ нѣсколькихъ поколѣній, мы только исполняемъ нашъ нравственный долгъ. Въ произведеніяхъ знаменитыхъ дѣятелей русскаго ума и слова заключаются и руководительныя начала народной жизни, и тѣ невидимыя нити, которыми связуются въ одинъ нравственный міръ и ученики и учители, и школа и жизнь, и прежнія и грядущія поколѣнія.

1944

2010515574